

Владимир Высоцкий

КЛЮЧ

Имя, отчество, фамилия:

Владимир Семенович Высоцкий.

Профессия:

Актер.

Самый любимый писатель:

М. Булгаков.

Самый любимый поэт:

Ахмадулина.

Самый любимый актер:

М. Яншин.

Самая любимая актриса:

З. Славина.

Любимый театр, спектакль:

Театр на Таганке, «Живой».

Любимый фильм, кинорежиссер:

«Огни большого города», Чаплин.

Любимый скульптор, скульптура:

Роден, «Мыслитель».

Любимый художник, картина:

Куинджи, «Лунный свет».

Любимый композитор, музыкальное произведение, песня:

Шопен, «12-й этюд», песня «Вставай, страна огромная».

Страна, к которой относишься с симпатией:

Россия, Польша, Франция.

Идеал мужчины:

Марлон Брандо.

Идеал женщины:

Секрет все-таки.

Человек, которого ты ненавидишь:

Их мало, но список значительный.

Самый дорогой для тебя человек:

Сейчас — не знаю.

Самая замечательная историческая личность:

Ленин, Гарибальди.

Историческая личность, внушающая тебе отвращение:

Гитлер и иже с ним.

Самый выдающийся человек современности:

Не знаю таких.

Кто твой друг:

В. Золотухин.

За что ты его любишь?

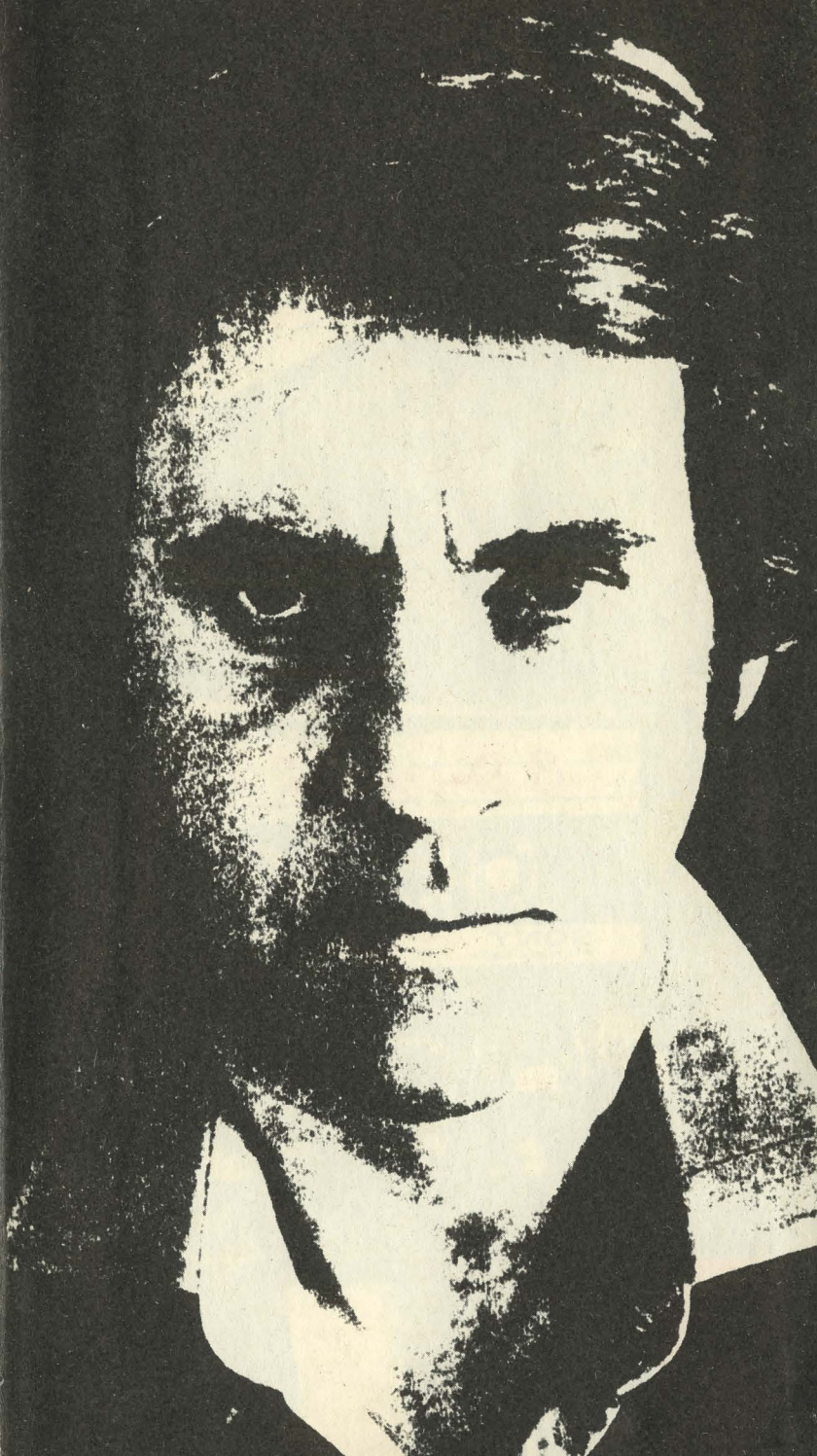
Если знать, за что, то это уже не любовь, а хорошее отношение.

Что такое, по-твоему, дружба?

Когда можно сказать человеку все, даже самое отвратительное, о себе.

Черты, характерные для твоего друга:

Терпимость, мудрость, ненавязчивость.

КЛИЧ

- 1 _____
- 2 _____
- 3 _____
- 4 _____
- 5 _____
- 6 _____
- 7 _____

Владимир Высоцкий

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

Владимир Высоцкий

**Владимир Семенович
Высоцкий (1938—1980)**
родился в Москве.

Учился на актерском факультете
Школы-студии при МХАТе.

С 1964 года — актер Театра
драмы и комедии на Таганке.
Исполнитель ролей в спектаклях
«Добрый человек из Сезуана»,
«Десять дней,

которые потрясли мир»,
«Павшие и живые», «Пугачев»,
«Гамлет», «Преступление
и наказание» и других.

Снимался в фильмах «Вертикаль»,
«Короткие встречи»,

«Служили два товарища»,
«Хозяин тайги» и многих других.

С первых лет работы в театре и кино
широкое признание получили
песни Владимира Высоцкого.

За создание образа
одного из главных героев
в телевизионном

художественном фильме
«Место встречи изменить нельзя»

и авторское исполнение песен
Владимир Высоцкий удостоен
Государственной премии СССР
1987 года [посмертно].

В сборник «КЛИЧ»
вошли произведения,
представляющие разные грани
поэтического творчества
Владимира Высоцкого:
стихи и песни о войне, о любви,
«сказочные песни» и другие.

Составитель
В. В. Чагин

Художник
О. К. Ампилогов

КЛЮЧ

СТИХИ

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ОБЛОЖИЛИ ЕГО, ОБЛОЖИЛИ...
НЕ ОУДАВАЕТЕ ГЕНИЯ, НЕ МОЖИ
РОССИЯ, РАСТЕРЗАННАЯ ОТ ПОДЛОСТИ,
ЗНАЕТ, КТО ОН, И ЗНАЕТ, ЧЕМ ОН —
ВРУБИТЕ ВЫСОЦКОГО!

ЗРУБИТЕ ВЫСОЦКОГО
ГДЕ ХРИПЫ, И РОДИ
ГДЕ ВОСЕМНАЦАТЬ
БЫЛ ЧЕЛОВЕК ОТЧАЯ

ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ,
ЗАПОМНИТ ЭТУ
ВРУБИТЕ ВЫСОЦ
НЕМНОГИМ ДАНО

ТЫ ЖИЛ, ИГРАЛ И П
ЛЮБОВЬ РОССИЙСКАЯ
ТЫ В ЧЕРНОЙ РАМКЕ
ТЕСНЫ ТЕБЕ ЛМАСКИ

ТВОЯ ПОСЛЕДНИ
НА ПРЕСТИЖНОЕ
ТАМ ХРИСТОС О
ТАМ ПОБЕДА НЕ

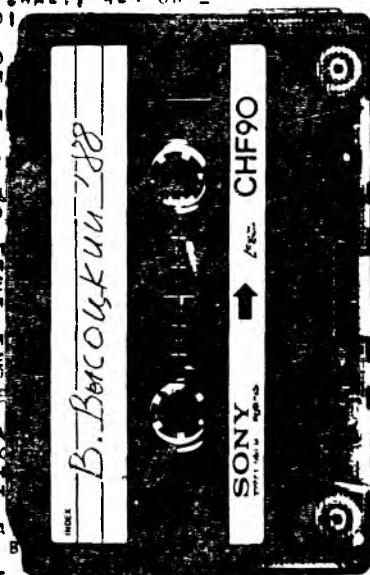
ТАМ МАКАРЫЧА ЗАЖА
НЕ ИСТОПИТЕ БАНЬЮ
ТЫ ТУДА НЕ ХОДИ
СПИ СРЕДИ СВОИХ И

Я К ТЕБЕ ПРИД
НЕ ПОТРЕБУЕТ В
УРОНИ СЛЕЗУ —
НА МОГИЛЬНИКА ХОДИ БРОШУ ГОРСТЬ ПЕСКА.

НЕ МОГУ ПОНЯТЬ Я БОЛЬШЕ
ЧТО ЗА СТРАННАЯ ИМНЧЕ ПОРА?
ПОЧЕМУ О ТВОЕЙ КОНЧИНЕ
МЫ УЗНАЛИ "ИЗ-ЗА БУГРА"?

КАК ЧТО-ТО И ЖИЗНИ УПУСТИЛА
И КАК ЕГО НЕ СБЕРЕГЛА.

ТЕПЕРЬ НИЧТО У НЕ ИСПРАВЬШЬ,
ТФХ ДНЕЗ СЧАСТЛИВЫХ НЕ ВЕРНУТЬ,
ПОСЛЕДНИМ ПОЩЕЛУ, ПОСЛЕДНИМ ВЗГЛЯ ОСТАВИТЬ
ПРОЩА, МЫА ДРУГ, НЕ ПОЗАБУДЬ!

СУДЬБА ПОЭТА

Люди выбирают себе певца.

Кто знал, что этот выбор коснется коренастого паренька со светлой прядкой на лбу, с поднятым воротником сутулящейся куртки?

Чуть помедленнее, кони,
Чуть помедленнее...—

это великая песня и великая поэзия, где голос, отбросив гитару и смыв с губ бытовую усмешку, оторвавшись от пластикового диска «Мелодии», отдается высочайшему духу поэзии, стихии и правде страданий — не шансонье, а судьбу поэта слышим мы в ней.

Коль дожить не успел, так хотя бы допеть...
Чуть помедленнее...

Но кони несли, как несли его кони!

Для сельского сердца Есенина загадочной тягой были цилиндр и шик автомашины, для Высоцкого, сорванца города, такой же необходимостью на грани чуда стали кони и цветы с нейтральной полосы.

В нем нашла себя нота городских окраин, дворов, поспешно заасфальтированной России — та же российская есенинская нота, но не крестьянского уклада, а уже нового, городского. Поэтому так близок он и шоферу, и генералу, и актрисе — детям перестроенной страны.

Я встретил его впервые в 1965 году, когда «Таганка» ставила «Антимиры». Был он так, один из таганцев, в вечно подростковой куртке своей, в арсенале его было пять-шесть песен. Но огромная затаившаяся энергия уже угадывалась в нем.

Это было задолго до того, как вся страна томительно ворочалась, опутывая его, подобно Лаокоону, магнитофонными пленками.

Но голос его уже хрип на ветру времени.

Когда пел он, за него страшно становилось: он бледнел иступленной бледностью, мукой было глядеть на него — казалось, не голос сорвется сейчас, горло перервется, он рвался изо всех сил, из всех сухожилий; в эти минуты он становился поэтом.

Стихи он читал не по-актерски, а как поэты читают — такова вся таганская школа, — не выстраивая смысл повествования, а выпевая интонационный нерв стиха, суть стиховой стихии.

Иногда мы выступали с ним на вечерах, он пел, я читал — особенно запомнился ревуший зал «Комаудитории» университета, куда он принес свои спортивные песни, — но это были вечера не песен, а поэзии, ибо за джинсовой курткой его уже стояла судьба поэта.

Повторяю, он был тих в жизни, добр к друзьям, деликатен, подчеркнута незаметен в толпе, его все любили, что редко в актерской среде, но гибельность аккомпанировала ему, и не в переносном смысле, а в буквальном.

Дважды его реанимировали. Помню, однажды спас его врач Л. О. Баделян, самозабвенный друг поэзии. Высоцкий три минуты был «на том свете». Тогда я написал «Реквием» по нему. Его напечатала «Дружба народов».

О златоустом блатаре
рыдай, Россия!
Какое время на дворе —
таков мессия.

Когда приезжала русая французская русалка, он просил меня читать ей эти стихи.

Трудно писать еще о нем, такая мука слушать его диски — так жив он во всех нас.

Смерть его просветила даже снобов. Многие нынче повернулись к нему, появилось много прекрасных стихов его памяти. Это хорошо. Хорошо, когда цветы ложатся на могилу, но как они нужны ему были при жизни! Неужто умереть надо, чтобы люди поняли и поверили?

Мать его, Нина Максимовна, сокрушенно рассказывает, что могилу его на Ваганькове постоянно обворовывают, мародеры снимают несметный урожай его цветов, может быть, мурлыча про себя его песни.

Художники наивны.

Высоцкий страстно, по-мальчишески мечтал напечататься. Он наивно хотел стать членом СП. Хотел свои певчие строфы, как птиц, запереть в металлическую сетку печатного шрифта. Удалось однажды напечатать его в «Дне поэзии». Сейчас сыплются его публикации, порой поспешно составленные, но в них оживает мир певца. Он был тонко образован. Любил Бальмонта, В. Иванова, Мачдельштама. Их культуру он наполнял живой нынешней речью.

Сколько писали о Гамлете!

Я — Гамлет. Холодеет кровь...

И Блок, и Цветаева — их великие Гамлеты — маски духа. «Гамлет» Высоцкого — Гамлет изнутри, это исповедь поэта, работающего Гамлета, он пахнет потом профессии, житейской судьбой. Пастернак, переводя «Гамлета», задумывался над неким новым Гамлетом — уличным. Таким сыграл его Высоцкий — таганский Гамлет с гитарой.

По людскому обычаю на сороковой день после смерти я написал строки, ему посвященные:

Наверно, ты скоро забудешь,
Как жил на краткой земле.
Ход времени не разбудит
Оборванный крик шансонье.
Несут тебе свечки по хляби
И дождик их тушит стуча.
На каждую свечку — по капле.
На каждую каплю — свеча.

Андрей Вознесенский

1

... расчет
в авторской песне
только на одно —
на то, что вас беспокоят
точно так же, как и меня,
те же проблемы,
судьбы человеческие,
одни и те же мысли.
И точно так же вам,
как и мне, рвут душу
и скребут по нервам
несправедливости
и горе людское...

**ПЕСНЯ ПЕВЦА
У МИКРОФОНА**

Я весь в свету, доступен всем глазам.
Я приступил к привычной процедуре:
я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня — точно к амбразуре!

И микрофону я не по нутру —
да, голос мой любому опостылет.
Уверен, если где-то я совру —
он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
лупят фонари в лицо недобро,
и спят с боков прожектора,
и — жара!.. Жара!

Он, bestия, потоньше остряя.
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я,
но пусть я честно выпеваю ноты.

Сегодня я особенно хриплю,
но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю —
он ни за что не выпрямит кривую.

На шее гибкий этот микрофон
своей змеиной головою вертит.
Лишь только замолчу — ужалит он,—
я должен петь до одури, до смерти!

Не шевелись, не двигайся, не смей.
Я видел жало — ты змея, я знаю!
И я сегодня — заклинатель змей,
я не пою — я кобру заклинаю.

Прожорлив он, и с жадностью птенца
он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне влепит девять грамм свинца.
Рук не поднять, — гитара вяжет руки!

Опять!.. Не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
мне сразу больно хлещет по щекам
недвижимая тень от микрофона.

Я освещен, доступен всем глазам.
Чего мне ждать — затишья или бури?
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре!

МОЙ ГАМЛЕТ

Я только малость объясню в стихе,
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе —
Е поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли,
Чем выше мы — тем жестче и суровой.
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу.
Я не бывал в накладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стременами.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег,
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутом.
Шут мертв теперь: «Аминь!» Бедняга Йорик!

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий.
Вдруг стало жаль мне мертвого паж.
Я объезжал зеленые побеги.

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих.
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.
В проточных водах, по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный, как паук,
Все постигал: недвижность и движенье,
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить.
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону,
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рождение смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

Кто-то высмотрел плод, что неспел.
Потрусили за ствол — он упал.
Вот вам песня о том, кто не спел
и что голос имел — не узнал.

Может, были с судьбой нелады
и со случаем плохи дела,
а тугая струна на лады
с незаметным изъязном легла.

Он начал робко с ноты «до»,
но не допел ее, не до...
Не дозвучал его аккорд
и никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот —
мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно?..
А он шутил — недошутил,
недораспробовал вино,
и даже недопригубил.

Он пока лишь затеивал спор,
неуверенно и не спеша,
словно капельки пота из пор,
из-под кожи сочилась душа.

Только начал дуэль на ковре,
еле-еле, едва приступил,
лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
и судья еще счет не открыл...

Он знать хотел все от и до,
но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
не докопался до глубин
и ту которая одна, —
недолюбил

Смешно, не правда ли, смешно?
А он спешил — недоспешил.
Осталось недорешено
все то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу.
Он был чистого слога слуга,
и писал ей стихи на снегу...
К сожалению, тают снега!

Но тогда еще был снегопад
и свобода писать на снегу —
и большие снежинки и град
он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
он не добрался и не до...
Не добежал бегун, беглец,
не долетел, не доскакал,
а звездный знак его — Телец —
холодный Млечный Путь лакал...

Смешно, не правда ли, смешно:
когда секунд недостает,
недостающее звено,
и недолет, и недолет.

Смешно, не правда ли? Ну вот:
и вам смешно, и даже мне...
Конь на скаку и птица влет —
по чьей вине, по чьей вине?

МАСКИ

Смеюсь навзрыд — как у кривых зеркал.
Меня, должно быть, ловко разыграли:
крючки носов и до ушей оскал —
как на венецианском карнавале!

Что делать мне — бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я — под масками зверей
у многих человеческие лица.

Все в масках, в париках — все, как один:
кто сказочен, а кто — литературен...
Сосед мой слева — грустный Арлекин,
другой — палач, а каждый третий — дурень.

Один себя старался обелить,
другой лицо скрывает от огласки,
а кто — уже не в силах отличить
свое лицо от непрременной маски.

Я в хоровод вступаю хохоча,
но все-таки мне беспокойно с ними:
а вдруг кому-то маска палача
понравится — и он ее не снимет?!

Вдруг Арлекин навеки загрустит,
любясь сам своим лицом печальным?!
Что, если дурень свой дурацкий вид
так и забудет на лице нормальном?!

Вокруг меня смыкается кольцо —
меня хватают, вовлекают в пляску:
так-так, мое нормальное лицо
все остальные приняли за маску.

Петарды, конфетти... Но все не так.
И маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт
и наступаю на ноги партнерам.

Смеются злые маски надо мной,
веселые — те начинают злиться,
за маской пряча, словно за стеной,
свои людские, подлинные лица.

За музами гоняюсь по пятам,
но ни одну не попрошу открыться:
что, если маски сброшены, а там —
все те же полумаски-полулица?!

Я в тайну масок все-таки проник.
Уверен я, что мой анализ точен:
и маска равнодушья у иных —
защита от плевков и от пощечин.

Но если был без маски подлецом —
носи ее! А вы... У вас все ясно:
зачем скрываться под чужим лицом,
когда свое воистину прекрасно?!

Как доброго лица не прозевать,
как честных угадать наверняка мне?!
...Они решили маски надевать,
чтоб не разбить свое лицо о камни.

Я из дела ушел, из такого хорошего дела.
Ничего не унес, отвалился в чем мать родила.
Не за тем, что приспичило мне,
 просто время приспело
Из-за синей горы понагнало другие дела

Мы многое из книжек узнаем,
А истины передают изустно:
— Пророков нет в отечестве своем,
Да и в других отечествах не густо...

Я не продал друзей,
 без меня даже выиграл кто-то
Лишь подвел одного, ненадолго, сочтемся потом
Я из дела исчез, не оставил ни крови ни пота,
И оно без меня покатилося своим чередом.

Незаменимых нет, и пропоем
Заупокой ушедшим — будь им пусто.
Пророков нет в отечестве своем,
Да и в других отечествах не густо...

Растащили меня, но я счастлив, что лъвиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.
Я по скользкому полу иду, каблук канифолью,
Поднимаюсь по лестнице и прохожу на чердак.

Пророков нет — не сыщешь днем с огнем.
Ушли и Магомет, и Заратуэтра.
Пророков нет в отечестве своем,
Да и в других отечествах не густо...

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
средь военных трофеев и мирных костров
жили книжные дети, не знавшие битв,
изнывая от мелких своих катастроф.

Детям веч-о досаден
их возраст и быт,—
и дрались мы до ссадин,
до смертных обид.
Но одежды латали
нам матери в срок,
мы же книги глотали,
пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
и сосало под ложечкой сладко от фраз,
и кружил наши головы запах борьбы,
со страниц пожелтевших стекая на нас.

И пытались постичь
мы, не знавшие войн,
за воинственный клич
принимавшие вой,
тайну слова «приказ»,
назначенье границ,
смысл атаки и лязг
боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
в детских играх своих — назначали врагов.

И злодея следам
не давали остыть,
и прекраснейших дам
обещали любить.
И, друзей успокоив
и ближних любя,
мы на роли героев
вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать;
краткий миг у забав — столько боли вокруг!
Попробуй ладони у мертвых разжать
и оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
еще теплым мечом
и доспехи надев,
что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
иль избранник судьбы,
и попробуй на вкус
настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг,
и над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
и когда ты без кожи останешься вдруг
оттого, что убили его — не тебя,—

ты поймешь, что узнал,
отличил, отыскал
по оскалу забрал —
это смерти оскал!
Ложь и зло — погляди,
как их лица грубы,
и всегда позади —
воронье и гробы!

Если, путь прорубая отцовским мечом,
ты соленые слезы на ус намотал,
если в жарком бою испытал, что почем,—
значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
ты не ел ни куска,
если руки сложа
наблюдал свысока
и в борьбу не вступил
с подлецом, с палачом,—
значит, в жизни ты был
ни при чем, ни при чем!

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ

Замок временем скрыт и укутан, укрыт
в нежный плед из зеленых побегов,
но... развяжет язык молчаливый гранит —
и холодное прошлое заговорит
о походах, боях и победах...

Время подвиги эти не стерло:
оторвать от него верхний пласт
или взять его крепче за горло —
и оно снова тайны отдаст!

Упадут сто замков, и спадут сто оков,
и сойдут сто потов с целой груди веков,
и польются легенды из сотен стихов —
про турниры, осады, про вольных стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
и гляди понимающим оком.
Потому что любовь — это вечно любовь,
даже в будущем вашем далеком.

Звонко лопалась сталь под напором меча,
тетива от натуги дымилась,
смерть на копьях сидела, утробно урча,
в грязь валились враги, о пощаде крича,
победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
в доброте сохраняли сердца,
защитив свое доброе имя
от неведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
и рука на копье поудобней легла,
хорошо, если знаешь, откуда стрела,
хуже, если по-подлому — из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шебашем?

Но не правда ли, зло называется злом
даже там, в светлом будущем вашем.

И во веки веков, и во все времена
трус, предатель — всегда презираем.
Враг есть враг, и война все равно есть война,
и темница тесна, и свобода одна —
и всегда на нее уповаем!

Время эти понятия не стерло,
нужно только поднять верхний пласт —
и, дымящейся кровью из горла,
чувства вечные хлынут на нас!..

Ныне, присно, во веки веков, старина,—
и цена есть цена, и вина есть вина,
и всегда хорошо, если честь спасена,
если другом надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берем,
саги, сказки из прошлого тащим,
потому что добро остается добром —
в прошлом, будущем и настоящем!

Проделав брешь в затишье,
весна идет в штыки,
и высунули крыши
из снега языки.
Голодная до драки,
оскалилась весна,—
как с языка собаки,
стекает с крыш слюна.

Весенние армии жаждут успеха,
все ясно, и стрелы на карте прямы,
и воины в легких небесных доспехах
врубаются в белые рати зимы.

Но рано веселиться:
сам зимний генерал
никак своих позиций
без боя не сдавал.
Тайком под белым флагом
он собирал войска —
и вдруг ударил с фланга
мороз исподтишка.

И битва идет с переменным успехом:
где свет и ручьи, где поземка и мгла,
и воины в легких небесных доспехах
с потерями вышли назад из котла.

Морозу ударить бы,
а он впадает в раж:
играет с вьюгой свадьбу,
не свадьбу — а шабаш!
Окно скрипит фрамугой —
то ветер перебрал, —
но он напрасно с вьюгой
победу пировал!

А в зимнем тылу говорят об успехах,
и наглые сводки приходят из тьмы,

но воины в легких небесных доспехах
врубаются клиньями в царство зимы.

Откуда что берется —
сжимается без слов
рука тепла и солнца
на горле холодов.
Не совершиться чуду:
снег виден лишь в тылах —
войска зимы повсюду
бросают белый флаг.

И дальше на север идет наступленье,
запела вода, пробуждаясь от сна,—
весна неизбежна — ну, как обновленье,
и необходима, как — просто весна.

Кто славно жил в морозы,
те не снимают шуб,
но ржаво льются слезы
из водосточных труб.
Но только грош им, нищим,
в базарный день цена —
на эту землю свыше
ниспослана весна.

Два слова войскам: несмотря на успехи,
не прячьте в чулан или в старый комод
небесные легкие ваши доспехи —
они пригодятся еще через год!

Я НЕ УСПЕЛ**[Тоска по романтике]**

*Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе,
и силуюсь разорваться на куски,
придав своей тоске значение скорби,
но сохранив загадочность тоски...*

Свет Новый не единожды открыт,
а Старый весь разбили на квадраты,
к ногам упали тайны пирамид,
к чертям пошли гусары и пираты.

Пришла пора всезнающих невежд,
все выстроено в стройные шеренги.
За новые идеи платят деньги,
и больше нет на «эврику» надежд.

Все мои скалы ветры гладко выбрили,
я опоздал ломать себя на них.
Все золото мое в Клондайке выбрали,
мой черный флаг в безветрии поник.

Под илом сгнили сказочные струги,
и могикан последних замели.
Мои контрабандистские фелюги
худые ребра сушат на мели.

Висят кинжалы добрые в углу
так плотно в ножнах, что не втиснусь между.
Мой плот папирусный — последнюю надежду —
волна в щепы разбила об скалу.

Вон из рядов мои партнеры выбыли —
у них сбылись гаданья и мечты.
Все крупные очки они повыбили
и за собою подожгли мосты.

Азартных игр теперь наперечет,
авантюристов всех мастей и рангов...
По прериям пасут домашний скот,
там кони пародируют мустангов.

И состоялись все мои дуэли,
где б я почел участие за честь.
Там вызвать и явиться — всё успели,
всё предпочли, что можно предпочесть.

Спокойно обошлись без нашей помощи
все те, кто дело сделали мое.
И по щекам отхлестанные сволочи
бессовестно ушли в небытие.

Я не успел произнести: «К барьеру!» —
а я за залп в Дантеса все отдам.
Что мне осталось — разве красть химеру
с туманного собора Нотр-Дам?!

В других веках, годах и месяцах
все женщины мои отжить успели,
позанимали все мои постели,
где б я хотел любить — и так, и в снах.

Захвачены все мои одра смертные —
будь это снег, трава иль простыня, —
заплаканные сестры милосердия
в госпиталях обмыли не меня.

Мои друзья ушли сквозь решето —
им всем досталась Лета или Прана, —
естественною смертью — никто,
все — противоестественно и рано.

Иные жизнь закончили свою —
не осознав вины, не скинув платья —
и, выкрикнув хвалу, а не проклятья,
спокойно чашу выпили сию.

Другие — знали, ведали и прочее...
Но все они на взлете, в нужный год —
отплавали, отпели, отпророчили...
Я не успел — я прозевал свой взлет!

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ

В сон мне — желтые огни,
И хриплю во сне я:
— Повремени, повремени —
Утро мудренее!

Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках — зеленый штоф,
Белые салфетки.
Рай для нищих и шутов,
Мне ж — как птице в клетке.

В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви все не так.
Все не так, как надо.

Я — на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло,
На горе стоит ольха,
А под горою вишня.

Хоть бы склон увить плющом,
Мне б и то отрада!
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я — по полю, вдоль реки.
Света — тьма, нет Бога!
В чистом поле васильки,
Дальняя дорога.

Вдоль дороги — лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце — давно.

И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята! Все не так,
Все не так, ребята!

Дурацкий сон, как кистенем,
избил нещадно:
невнятно выглядел я в нем
и неприглядно —
во сне я лгал и предавал,
и льстил легко я...
А я и не подозревал
в себе такое!

Еще — сжимал я кулаки
и бил с натугой —
но мягкой кистию руки,
а не упругой...
Тускнело сновиденье, но
опять являлось.
Смыкались веки, и оно
возобновлялось.

Я не шагал, а семенял
на ровном бруске —
ни разу ногу не сменил —
трусил и трусил;
я перед сильным лебезил,
пред злобным гнулся...
И сам себе я мерзок был,
но не проснулся.

Да это бред — я свой же стон
слыхал сквозь дрему!
Но — это мне приснился он,
а не другому.
Очнулся я — и разобрал
обрывок стона,
и с болью веки разодрал,
но облегченно!

И сон повис на потолке —
и распластался,,,

Сон в руку ли? И вот в руке
вопрос остался!
Я вымыл руки — он в спине
холодной дрожью!
... Что было правдою во сне,
что было ложью?

Коль этот сон — виденье мне, —
еще везенье.
Но если было мне во сне
ясновиденье?..
Сон — отраженье мыслей дня?
Нет, быть не может!
Но вспомню — и всего меня
перекорежит.

Или — в костер! Вдруг нет во мне
шагнуть к костру сил, —
мне будет стыдно, как во сне,
в котором струсил.
Но скажут мне: «Пой в унисон,
жми что есть духу!..» —
и я пойму: вот это сон,
который в руку!

ДВЕ СУДЬБЫ

Жил я славно в первой трети —
двадцать лет на белом свете,
по влечению.

Жил безбедно и при деле,
плыл куда глаза глядели —
по течению.

Думал: вот она, награда —
едь ни веслами не надо,
ни ладонями...

Комары, слепни да осы
донимали, кровососы,
да не доняли!

Слышал, с берега вначале,
мне о помощи кричали,
о спасении...

Не дождались, бедолаги:
я лежал чумной от браги,
в расслаблении.

Крутанет ли в повороте,
завернет в водовороте —
все исправится.

То разуюсь, то обуюсь,
на себя в воде люблюсь —
очень ндравится!

А она не засыпает,
впереди меня ступает
тяжкой поступью.

Вот споткнулась о коренья,
от большого ожиренья
гнусно охая,

у нее одышка даже,
а заносит ведь туда же,
тварь нелегкая.

Вдруг навстречу нам — живая
колченогая Кривая —
морда хитрая.

«Ты, — кричит, — стоишь над бездной,
я спасу тебя, болезный,
слезы вытру я!»

Я спросил: «Ты кто такая?»
А она мне: «Я, Кривая.
Воз молвы везу».

И — хотя я кривобока,
криворука, кривоока, —
я, мол, вывезу...

Я воскликнул, наливая:
«Вывози меня, Кривая,
я на привязи.

Я тебе и жбан поставлю,
кривизну твою исправлю —
только вывези!

И ты, Нелегкая, маманя,
на-ка истину в стакане,
больно нервная!

Ты забудь себя на время,
ты же — толстая, в гареме
будешь первая!»

И упали две старухи
у бутылки медовухи
в пьянь-истерику.

Я пока за кочки прячусь,
озираюсь, задом пячусь
прямо к берегу.

Лихо выгреб на стремнину —
в два гребка на середину.
Ох, пройдоха я!

Чтоб вы сдохли, выпивая,
две судьбы мои — кривая
да нелегкая!

Здесь малина, братва! Нас встречают
малиновым звоном!
Все вернулось на круг —
и Распятый над кругом висел.

Седовласый старик, он на стражу кричал,
комиссарил.
Прибежали с ключом и затеяли вновь отворять.
Кто-то ржавым болтом поднатужась
о рельсу ударил —
И как ринутся все в распрекрасную ту благодать!

Я узнал старика по слезам
на щеках его дряблых:
Это Петр святой — он Апостол, а я остолоп.
Вот и кущи-сады, в коих прорва
мороженных яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют
без промаха в лоб

Всем нам блага подай! Да и много ли требовал
я благ?
Мне — чтоб были друзья, да жена чтобы пала
на гроб.
Ну, а я уж для них украду бледно-розовых яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют
без промаха в лоб

... В онемевших руках свечи плавилась,
как в канделябрах,
А тем временем я снова поднял лошадок
в галоп.
Я набрал, я натряс этих самых
бессемечных яблок, —
И за это меня застрелили без промаха в лоб.

Всё вернулось на круг! Ангел выстрелил
в лоб аккуратно
Неужели им жаль, что набрал я
ледышек с дерев
Как я выстрелу рад, — ускакал я
на землю обратно,
Вот и яблочк везу, их за пазухой телом согрев.

...И погнал я коней прочь от мест этих
гиблых и зяблых,
Кони — головы вверх, но и я закусил удила.
Вдоль обрыва с кнутом, по-над пропастью
пазуху яблочк
Я тебе привезу — ты меня и из рая ждала.

Беда!

Теперь мне кажется, что мне не успеть
за собой:
всегда
как будто в очередь встаю за судьбой...

Дела!

Меня замучили дела — каждый миг, каждый час,
каждый день...

Дотла

сгорело время, да и я — нет меня,
только тень!

Ты ждешь...

А может, ждать уже устал — и ушел
или спишь...

Ну, что ж, —

быть может, мысленно со мной говоришь.

Теперь

ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
мы будем много говорить!..

Опять!..

Все время новые дела, у меня
все дела —
догнать,
или успеть, или найти... Нет, опять
не наша!

Беда!

Теперь мне кажется, что мне не успеть
за собой —
всегда
последний в очереди — ты, дорогой!

Теперь
ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
мы будем только говорить.

Подруг
давно не вижу — все дела у меня,
все дела...

И вдруг
сгорели пламенем дотла — не дела,
а зола!

Весь год
он ждал, но больше ждать и дня
не хотел, —
и вот
не стало вовсе у меня добрых дел.

Теперь
ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
что мы не будем говорить.

СЛУЧАЙ

Мне в ресторане вечером вчера
сказали с юморком и с этикетом,
что киснет водка, выдохлась икра
и что у них — ученый по ракетам.

И, многих помня — с водкой пополам,
не разобрав, что плещется в бокале,
я, улыбаясь, подходил к столам,
и отзывался, если окликали.

Вот он — надменный, словно Ришелье,
как благородный папа в старом скетче...
Но это был директор ателье
и не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
и я гордился тем, что тоже в моде.
(К науке тяга сильная сейчас,
но и к гитаре тяга есть в народе).

Я выпил залпом — и разбил бокал!
Мгновенно мне гитару дали в руки.
Я три своих аккорда перебрал,
запел и за́пил от любви к науке.

Я пел и думал: вот икра стоит,
а говорят, кеты не стало в реках...
А мой ученый где-нибудь сидит...
и мыслит в миллионах и в парсеках...

И, обнимая женщину в колье
и сделав вид, что хочет в песни вжиться,
задумался директор ателье...
о том, что завтра скажет сослуживцам.

Он предложил мне позже на дому,
успев включить магнитофон в портфеле:
«Давай дружить домами». Я ему
сказал: «Давай: мой дом — твой Дом моделей».

И я нарочно разорвал струну,
и, утаив, что есть запас в кармане,
сказал: «Привет, зайти не премину,
но только — если будет марсианин...»

Я шел домой под утро, как старик.
Мне под ноги катились дети с горки,
и аккуратный первый ученик
шел в школу получать свои пятерки.

Ну что ж, мне поделом и по делам —
лишь первые пятерки получают!..
Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

Мне судьба — до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней — немота.
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та...

Что лабазники врут про ошибки Христа,
Что пока еще в грунт не влезалась плита,
Триста лет под татарами — жизнь еще та:
Маета трехсотлетняя и нищета.

Но под властью татар жил Иван Калита,
И уж был не один, кто один против ста.
Вот намерений добрых и бунтов тщета —
Пугачевщина, кровь и опять нищета.

Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта,
Повторю, даже в образе злого шута.
Но не стоит предмет, да и тема не та.
Суета всех сует — все равно суета.

Только чашу испить не успеть на бегу,
Даже если разлить — все равно не смогу,
Или выплеснуть в наглую рожу врагу, —
Не ломаюсь, не лгу — все равно не могу.

На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу.
Что же с чашею делать — разбить? Не могу!
Потерплю — и достойного подстерегу,

Передам — и не надо держаться в кругу.
И в кромешную тьму, и в неясную згу,

Другу передоверивши чашу, сбегу.
Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь — ни гугу,
Никому не скажу, при себе сберегу,
А сказать — и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
За веселый манер, на котором шучу.

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу.

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
Все, что ночью кропаю — в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу,
Но не буду скользить, словно пыль по лучу.

Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта,
Я уйду и скажу, что не все суета!

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
В которое болею или пью.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста.
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу.
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю,—
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

Если где-то в глухой, беспокойной ночи
ты споткнулся и ходишь по краю —
не таись, не молчи, до меня докричи —
я твой голос услышу, узнаю.

Если с пулей в груди ты лежишь в спелой ржи —
потерпи: я спешу, и усталости ноги не чувю!
Мы вернемся туда, где и воздух и травы
врачают, —
только ты не умри, только кровь удержи!..

Если конь под тобой, ты домчи, доскачи —
конь дорогу отыщет буланный —
в те края, где всегда бьют живые ключи, —
и они исцелят твои раны.

Где же ты — взаперти или в долгом пути,
на каких ты сейчас перепутьях и перекрестках?!
Может быть, ты устал, приуныл,
заблудился в трех соснах --
и не можешь обратно дорогу найти?..

Здесь такой чистоты из-под снега ручьи —
не найдешь, не придумаешь краше!
Здесь цветы, и кусты, и деревья — ничьи:
стоит нам захотеть — будут наши!

Если трудно идешь — по колени в грязи
да по острым камням, босиком по воде
по студенной —
пропыленный, обветренный, дымный,
огнем опаленный —
хоть какой — доберись, добреди. доползи!..

КОРАБЛИ

Корабли постоят — и ложатся на курс,
но они возвращаются сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь,
чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и мечтах...
Я, конечно, спою,
я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли,
 в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы
 профили,
Чтоб он слышал, как рвутся
 сердца.

Протопи ты мне баньку
 по-белому,
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох! Знобит от рассказа
 дотошного,
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли
 под темечком,—
Получилось, я зря им клеймен,
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку
 по-белому,
Чтоб я к белому свету привык!
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Я спокоен — Он все мне поведал.
Не таясь, поделюсь, расскажу —
Всех, кто гнал меня, бил
или предал,
Покарает Тот, кому служу.

Не знаю как — ножом ли под
ребро,
Или сгорит их дом и все добро,
Или сместят, сомнут, лишат свободы,
Когда — опять не знаю, — через
годы
Или теперь, а может быть — уже.
Судьбу не обойти на вираже,

И на кривой на вашей
не объехать,
Напропалую тоже не протечь.
А я? Я — что! Спокоен я — по мне
хоть
Побей вас камни, град
или картечь.

ЧУЖАЯ КОЛЕЯ

Сам виноват — и слезы лью,
И охаю —
Попал в чужую колею
Глубокую.
Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи
Не выбраться.

Крутые скользкие края
Имеет эта колея.

Я кляню проложивших ее,
Скоро лопнет терпенье мое,
И склоняю, как школьник плохой,
Колею — в колее, с колеей...

Но почему неймется мне?
Нахальный я!
Условия, в общем, в колее
Нормальные.
Никто не стукнет не притрет —
Не жалуйся.
Желаешь двигаться вперед?
Пожалуйста.

Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее,

И я живо себя убедил —
Не один я в нее угодил.

Так держаты! Колесо в колесе!
И доеду туда, куда все.

Вот кто-то крикнул сам не свой
— А ну пусти!

И начал спорить с колеей
По глупости.
Он в споре сжег запас до дна
Тепла души,
И полетели клапана
И вкладыши.

Но покорежил он края,
И шире стала колея.

Вдруг его обрывается след —
Чудака оттащили в кювет,
Чтоб не мог он нам, задним,
мешать
По чужой колее проезжать.

Вот и ко мне пришла беда —
Стартер заел.
Теперь уж это не езда,
А ёрзанье.
И надо б выйти, подтолкнуть,
Да прыти нет —
Авось подъедет кто-нибудь —
И вытянет...

Напрасно жду подмоги я, —
Чужая это колея.

Расплеваться бы глиной и ржой
С колеей этой самой чужой, —
Тем, что я ее сам углубил,
Я у задних надежду убил,

Прошиб меня холодный пот
До косточки,
И я прошелся чуть вперед
По досточке.
Гляжу — размыли край ручьи
Весенние,
Гам выезд есть из колеи —
Спасение!

Я грязью из-под шин плюю
В чужую эту колею.

Эй, вы! Задние! Делай, как я.
Это значит — не надо за мной.
Колея эта — только моя.
Выбирайтесь своей колеей.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю,—
Что-то воздуху мне мало, ветер пью,
туман глотак:
Чую с гибельным восторгом — пропадаю!
Пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою
на краю!..

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь к последнему
приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою
на краю!..

Мы успели — в гости к Богу не бывает опозданий

Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий?
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро
сани?

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые,
Хоть дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

2

Пишу песни о войне,
конечно, не ретроспекции,
а ассоциации.
Если вы в них
вслушаетесь, то увидите,
что их сегодня можно петь,
что люди из тех времен,
ситуации из тех времен,
а в общем,
и идеи, и проблемы —
наши, нынешние.
Обращаюсь я в те времена
просто потому, что мне
интереснее брать людей,
которые находятся
в самой крайней ситуации:
в момент риска,
когда в следующую секунду
можно заглянуть в лицо смерти;
людей, у которых что-то сломалось,
надорвалось.
Короче говоря,
людей на самом краю пропасти,
на краю обрыва —
шаг влево или шаг вправо —
или по какому-то
узкому канату идущих.

ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА

Ожидание длилось,
а проводы были недолги —
пожелали друзья:
«В добрый путь! Чтобы — все без помех!»
И четыре страны
предо мной расстелили дороги,
и четыре границы
шлагбаумы подняли вверх.

Тени голых берез
добровольно легли под колеса,
залоснилось шоссе
и штыком заострилось вдали.
Вечный смертник — комар
разбивался у самого носа,
превращая стекло лобовое
в картину Дали.

Сколько смелых мазков
на причудливом мертвом покрове,
сколько серых мозгов
и комарьих раздавленных плевр!
Вот взорвался один,
до отвала налившийся крови,
ярко-красным пятном
завершая дорожный шедевр.

И сумбурные мысли,
лениво стучавшие в темя,
всколыхнулись во мне —
ну попробуй-ка останови!
И в машину ко мне
постучало военное время —
я впустил это время,
замешенное на крови.
И сейчас же в кабину
глаза из бинтов заглянули
и спросили: «Куда ты?»

На Запад? Вертайся назад!..»
Я ответить не смог,—
по обшивке царапнули пули,
я услышал: «Ложись!
Берегись! Проскочили! Бомбят!»

Этот первый налет
оказался не так чтобы очень:
схоронили кого-то,
прикрыв его кипой газет,
вышли чьи-то фигуры —
назад, на шоссе — из сбочин,
как лет тридцать спустя,
на машину мою поглазеть.

И исчезло шоссе —
мой единственный верный фарватер.
Только — елей стволы
без обрубленных минами крон.
Бестелесный поток
обтекал не спеша радиатор.
Я за сутки пути
не продвинулся ни на микрон.

Я уснул за рулем.
Я давно разомлел до зевоты.
Ущипнуть себя за ухо
или глаза протереть?!
В кресле рядом с собой
я увидел сержанта пехоты.
«Ишь, трофейная пакость,— сказал он,—
удобно сидеть...»

Мы поели с сержантом
домашних котлет и редиски.
Он опять удивился:
откуда такое в войну?
«Я, браток,— говорит,—
восемь дней как позавтракал в Минске.
Ну, спасибо, езжай!
Будет время — опять загляну...»

Он ушел на Восток
со своим поредевшим отрядом.
Снова мирное время
в кабину вошло сквозь броню.
Это время глядело
единственной женщиной рядом.
И она мне сказала:
«Устал! Отдохни — я сменю!»

Все в порядке. На месте.
Мы едем к границе. Нас двое.
Тридцать лет отделяют
от только что виденных встреч.
Вот забегали щетки,
отмыли стекло лобовое —
мы увидели знаки,
что призваны предостеречь.

Кроме редких ухабов,
ничто на войну не похоже.
Только лес молодой,
да сквозь снова налипшую грязь
два огромных штыка
полоснули морозом по коже,
остриями — по-мирному —
кверху, а не накренься.

Здесь, на трассе прямой,
мне,
не знавшему пуль,
показалось,
что и я где-то здесь
довоевывал невдалеке.
Потому для меня
и шоссе, словно штык, заострялось,
и лохмотия свастик
болтались на этом штыке.

О МОЕМ СТАРШИНЕ

Я помню райвоенкомат.

«В десант не годен — так-то, брат.

Таким, как ты, там невпротык...»

И дальше — смех:

мол, из тебя какой солдат,

тебя — хоть сразу в медсанбат!..

А из меня такой солдат, как изо всех.

А на войне — как на войне.

А мне и вовсе, мне — вдвойне.

Прилипла к телу гимнастерка на спине.

Я отставал, сбоил в строю...

Но как-то раз в одном бою,

не знаю чем — я приглянулся старшине.

...Шумит окопная братва:

«Студент! А сколько дважды два?

Эх, холостой, а правда графом был Толстой?

И кто евоная жена?..»

Но тут встретал мой старшина:

«Иди поспи, ты ж не святой, а утром — бой».

И только раз, когда я встал

во весь свой рост, он мне сказал:

«Ложись!..» — и дальше пару слов без падежей.

К чему, мол, дырка в голове?!

И вдруг спросил: «А что, в Москве,—

неужто вправду есть дома в пять этажей?!»

Над нами — шквал! Он застонал —

и в нем осколок остывал,

И на вопрос его ответить я не смог:

он в землю лег — за пять шагов,

за пять ночей и за пять снов —

лицом на Запад и ногами на Восток.

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы все лезли толпой на нее,
как на буфет вокзальный.

Ползли к высоте в огневой полосе,
бежали и снова ложились,
как будто на этой высотке вдруг все
дороги и судьбы скрестились.

И крики «ура!» застывали во рту,
когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту,
семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
свое возьмем,
 кровное,
 наше.

А может, ее стороной обойти?
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
на этой высотке скрестились.

Все наши деревни, леса, города
в одну высоту эту слились —
в одну высоту, на которой тогда
пути наши, судьбы скрестились.

Вцепились они в высоту, как в свое,
огнем высоту поливая
а мы упрямо ползли на нее,
товарищей оставляя.

Мерцал закат, как блеск клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока —
взвод зарывался в облака
и уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
 помогут нам!

А до войны вот этот склон
немецкий парень брал с тобою.
Он падал вниз, но был спасен,
а вот сейчас, быть может, он
свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
 помогут нам!

Ты снова тут, ты собран весь.
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот — он тоже здесь,
среди стрелков из «Эдельвейс».
Их надо сбросить с перевала.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
 помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
а вот альпийские стрелки —
сегодня что-то не в ударе.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
 помогут нам!

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
на кручах таких, на какие никто не проник,
жило-поживало веселое горное, горное эхо,
оно отзывалось на крик — человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло,
и сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет,
крик этот о помощи эхо подхватит,
усилит и бережно — в руки своих — донесет.

Должно быть, не люди, напившись
дурмана и зелья, и зелья,
чтоб не был услышан никем громкий
топот и храп, топот и храп,
пришли умертвить, обеззвучить живое,
и эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха,
и эхо топтали, но звука никто не слышал,
К утру расстреляли притихшее горное,
и брызнули камни, как слезы, из раненых скал...

РАЗВЕДКА БОЕМ

Я стою. Стою спиной к строю.
Только добровольцы — шаг вперед.
Нужно провести разведку боем.
Для чего — да кто ж там разберет...

Кто со мной? С кем идти?
Так, Борисов... Так, Леонов...
И еще этот тип
из второго батальона!

Мы ползем, к ромашкам припадая.
Ну-ка, старшина, не отставай!
Ведь на фронте два передних края:
наш, а вот он — их передний край.

Кто со мной? С кем идти?
Так, Борисов... Так, Леонов...
Да!.. Еще этот тип
из второго батальона!

Проволоку грызли без опаски —
ночь, темно и не видать ни зги.
В двадцати шагах — чужие каски
(с той же целью — защитить мозги).

Кто со мной? С кем идти?
Здесь Борисов, здесь Леонов.
Ох, еще этот тип
из второго батальона!

Скоро будет *Надя с шоколадом*
В шесть они подавят нас огнем.
Хорошо, нам этого и надо.
С богом, потихонечку начнем.

С кем обратно идти?
Так, Борисов... Где Леонов?!
Эй, ты жив?! Эй, ты, тип
из второго батальона!

Пулю для себя не оставляю.
Дзот накрыт, и рассекречен дот.
Этот тип, которого не знаю,
очень хорошо себя ведет.

С кем в другой раз ползти?
Где Борисов? Где Леонов?
Правда, жив этот тип
из второго батальона.

На НП, наверное, в восторге,
но фуражки сняли из-за нас.
Правильно. Считай, что двое в морге,
двое остаются про запас.

С кем еще раз ползти?
Где Борисов? Где Леонов?
Рядом лишь этот тип
из второго батальона.

...Я стою спокойно перед строем.
В этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,—
награжден и назван молодцом

С кем в другой раз идти?
Где Борисов? Где Леонов?..
И парнишка затих
из второго батальона.

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему все не так? Вроде — все как всегда:
то же небо —опять голубое,
тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
в наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
он всегда говорил про другое,
он мне спать не давал, он с восходом вставал,
а вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь,— не про то разговор:
вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня словно ветром задуло костер,
когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалось — будто из плена весна —
по ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде,—
и деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
нам и время — текло для обоих...
Все теперь — одному. Только кажется мне,
это я не вернулся из боя.

ЗВЕЗДЫ

Мне этот бой не забыть нипочем —
смертью пропитан воздух,
а с небосклона бесшумным дождем
падали звезды.

Вон снова упала — и я загадал:
выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
с глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
и удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда —
прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
и «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
вам на погоны.

Звезд этих в небе, как рыбы в прудах,
хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
тоже — Героем.

Я бы звезду эту сыну отдал,
просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
некуда падать.

ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ

Я вам мозги не пудрю —
уже не тот завод:
В меня стрелял поутру
из ружей целый взвод.
За что мне эта злая,
нелепая стезя,—
Не то, чтобы не знаю,—
рассказывать нельзя.

Мой командир меня почти что спас,
Но кто-то на расстреле настоял.
И взвод отлично выполнил приказ,
Но был один, который не стрелял.

Судьба моя лихая
давно наперекос,
Однажды «языка» я
добыл, да не донес.
И «особист» Суэтин —
неутомимый наш —
Еще тогда приметил
и взял на карандаш.

Он выволок на свет и приволок
Подколотый, подшитый материал.
Никто поделать ничего не смог.
Нет. Смог... один, который
не стрелял.

Рука упала в пропасть
с дурацким звуком: «Пли!»
И залп мне выдал пропуск
в ту сторону земли.
Но слышу: — Жив, зараза!

Тащите в медсанбат!
Расстреливать два раза
указы не велят.

А врач потом все цокал языком
И, удивляясь, пули удалял,
А я в бреду беседовал тайком
С тем пареньком, который
не стрелял.

Я раны, как собака,
лизал, а не лечил.
В госпиталях, однако,
в большом почете был.

Ходил, в меня влюбленный,
весь слабый женский пол:
— Эй, ты, недострелённый!
Давай-ка на укол!

Наш батальон геройствовал
в Крыму,
И я туда глюкозу посылал,
Чтоб было слаще воевать ему.
Кому? Тому, который не стрелял.

Я пил чаек из блюдца,
со спиртиком бывал.
Мне не пришлось загнуться,
и я довоевал.

В свой полк определили:
— Воюй,— сказал комбат,—
А что недострелили,
так я, брат, даже рад.

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
на Арбате — здесь бы так!
А теперь я в медсанбате —
на кровати, весь в бинтах...
Что нам слава, что нам Клава —
медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
тот сосед, что слева, мне
вдруг сказал: «Послушай, парень,
у тебя ноги-то нет».
Как же так, неправда, братцы,
он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы», —
так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
все смеялся, все шутил.
Даже если ночью бредил —
все про ногу говорил.
Издевался: мол, не встанешь,
не увидишь, мол, жены,
поглядел бы ты, товарищ,
на себя со стороны...

Если б был я не калека
и слезал с кровати вниз,
я б тому, который слева,
просто глотку перегрыз!
Умолял сестричку Клаву
показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
он бы правду мне сказал.

АИСТЫ

Небо этого дня —
ясное,
но теперь в нем — броня
лязгает.

А по нашей земле —
гул стоит,
и деревья в смоле,—
грустно им.

Дым и пепел встают —
как кресты.
Гнезд по крышам не выют
аисты.

Колос — в цвет янтаря:
успеем ли?
Нет. Выходит, мы зря
сеяли.
Что ж там, цветом в янтарь,
светится?
Это в поле пожар
мечется.
Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вороны!

И деревья в пыли —
к осени.
Те, кто песни могли,—
бросили.
И любовь не для нас,—
верно ведь,
что нужнее сейчас
ненависть!

Дым и пепел встают —
как кресты.

Гнезд по крышам не вьют
аисты.

И земля и вода —
стонами.
Правда, лес, как всегда,—
кронами.
Только больше чудес —
аукает
довоенными лес
звуками.

Побрели все от бед
на восток,
певчих птиц больше нет,
нет аистов.

Воздух звуки хранит
разные,
но теперь в нем гремит,
лязгает.

Даже цокот копыт —
топотом,
если кто закричит —
шепотом.

Побрели все от бед
на восток,—
и над крышами нет
аистов...

ПЕСНЯ ЛЕТЧИКА

Их восемь, нас — двое. Расклад перед боем
не наш, но мы будем играть.

Сереза, держись! Нам не светит с тобою,
но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину,
мне цифры сейчас не важны:
сегодня мой друг защищает мне спину,
а значит — и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он.
надсадно завывли винты.

Им даже не надо крестов на могилы,—
сойдут и на крыльях кресты.

Я — «Первый», я — «Первый», они под тобою,
я вышел им наперерез...

Сбей пламя, уйди в облака, я прикрою!..
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь! Уповай, человек,
теперь на надежность строп.

Нет, поздно — и мне вышел «мессер» навстречу.
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю, другие сведут с ними счеты...

Но, по облакам скользя,
взлетят наши души, как два самолета,—
ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго».

Но только ворота — щелк,
мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
в какой-нибудь ангельский полк».

И я попрошу Бога, Духа и Сына,

чтоб выполнил волю мою:

пусть вечно мой друг защищает мне спину,
как в этом последнем бою.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога,
ведь нужен им ангел-ас.
А если у них истребителей много —
пусть едят в хранители нас.

Хранить — это дело почетное тоже,—
удачу нести на крыле
таким, как при жизни мы были с Сережей,—
и в воздухе и на земле.

ПЕСНЯ САМОЛЕТА-ИСТРЕБИТЕЛЯ

Я — «ЯК», истребитель. Мотор мой звенит.
Небо — моя обитель.
Но тот, который во мне сидит,
считает, что он — истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит,—
я сделал с ним, что хотел.
Но тот, который во мне сидит,
изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
меня механик заштопал,—
но тот, который во мне сидит,
опять заставляет — в штопор.

Из бомбардировщика бомба несет
смерть аэродрому,
а кажется, стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «мессершмитт».
Уйду— я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
я вижу — решил на таран!

Что делает он! Вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не сгореть на песке,—
запреты и скорости все перекрыв,
я выхожу из пике.

Я — главный. А сзади... Ну чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?!
Вот он задымился, кивнул — и запел:
«Мир вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
остался один — и влип.
Меня в заблужденье он ввел, и в пике —
прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя — и нагрузка вдвойне.
Эх, тоже мне летчик-ас!..
И снова приходится слушаться мне,—
но это в последний раз.

Я больше не буду покорным, клянусь,
уж лучше лежать на земле!..
Ну что ж он не слышит, как бесится пульс:
бензин — моя кровь — на нуле!

Терпению машины бывает предел,
и время его истекло.
И тот, который во мне сидел,
вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то! Лечу налегке,
последние силы жгу.
Но что это, что?! Я в глубоком пике —
и выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел,
но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»

Я полмира почти через злые бои
прошагал и прополз с батальоном,
а обратно меня за заслуги мои
санитарным везли эшелоном.

Подвезли на родимый порог —
на полutorке к самому дому.
Я стоял и немел, а над крышей дымок
подымался совсем по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть,
и хозяйка не рада солдату —
не припала в слезах на могучую грудь,
а руками всплеснула — и в хату.

И залаяли псы на цепях.
Я шагнул в полутемные сени,
за чужое за что-то запнулся в сенях,
дверь рванул — подкосились колени.

Там сидел за столом, да на месте моем,
неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем,—
потому я и псами облаян.

Это значит, пока под огнем
я спешил, ни минуты не весел,
он все вещи в дому переставил моем
и по-своему все перевесил.

Мы ходили под богом — под богом войны,
артиллерия нас накрывала.
Но смертельная рана нашла со спины
и изменою в сердце застряла.

Я себя в поясице согнул,
силу воли позвал на подмогу:
«Извините, товарищи, что завернул
по ошибке к чужому порогу...»

Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
чтоб согласие по дому ходило...
Ну а он даже ухом в ответ не повел:
вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол,
я не хлопнул дверьми, как когда-то,—
только окна раскрылись, когда я ушел,
и взглянули мне вслед виновато...

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
больше в землю не бросите семья...»,
кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время...

Материнства не взять у Земли,
не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
и воронки — как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет,
не записывай Землю в калеки.
Кто сказал, что Земля не поет,
что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
изо всех своих ран, из отдушин,
ведь Земля — это наша душа,
сапогами не вытоптать душу.

Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время...

сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенье сердец —
оно для аллей и беседок.

Я падаю, грудью хватая свинец,
подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
я уйду — придет другой».
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Вот кто-то, решив: «После нас — хоть потоп»,
как в пропасть, шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет,
кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось: пусть будет вон тот,
удетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
я видел, кто придет за мной.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Разрывы глушили биенье сердец,
мое же — мне громко стучало,
что все же конец мой — еще не конец:
конец — это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

От границы мы Землю вертели назад
(было дело сначала).

Но обратно ее закрутил наш комбат,
оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
отбирать наши пяди и крохи,—
но мы помним, как солнце отправилось вспять
и едва не зашло на Востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
понапрасну цветы теребя,
мы толкаем ее сапогами —
от себя! От себя.

И от ветра с Востока пригнулись стога,
жметя к скалам отара.

Ось земную мы сдвинули без рычага,
изменив направление удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат,
Судный день — это сказки для старших,
просто Землю вращают, куда захотят,
наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимаем,
кочки тискаем — зло, не любя,
и коленями Землю толкаем —
от себя! От себя.

Здесь никто б не нашел, даже если б хотел,
руки кверху поднявших.

Всем живым ощутимая польза от тел:
как прикрытье используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
где настигнет — в упор или с тыла?

Кто-то там впереди навалился на дот,—
и Земля на мгновенье застыла.

Я ступни свои сзади оставил,
мимоходом по мертвым скорбя.
Шар земной я вращаю локтями —
на себя! На себя!

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
принял пулю на вдохе.
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
чтобы солнце взошло на Востоке.

Животом по грязи... Дышим смрадом болот...
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
потому что мы рвемся на Запад.

Руки, ноги на месте ли, нет ли, —
как на свадьбе, росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли —
на себя! На себя!

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов,—
сердца стучали на три счета вместо двух.
К тому же дамы приглашали кавалеров
на белый вальс традиционный,—
и захватывало дух

Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам,
давно решился пригласить ее одну...
Но вечно надо отлучаться по делам,
спешить на помощь, собираться на войну.

И вот все ближе, все реальней становясь,
она, к которой подойти намеревался,
идет сама, чтоб пригласить тебя на вальс,
и кровь в виски твои стучится в ритме вальса.

Ты внешне спокоен
среди шумного бала,
но тень за тобою
тебя выдавала —
металась, дрожала, ломалась она
в зыбком свете свечей.
И, бережно держа
и бешено кружа,
ты мог бы провести ее по лезвию ножа.
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей.

Был белый вальс — конец сомненья малозверов
и завершенье юных снов, забав, утех.
Сегодня дамы приглашали кавалеров
не потому, не потому, что мало храбрости у тех
Возведены на время бала в званье дам,
и кружит головы нам вальс, как в старину.

Но вечно надо отлучаться по делам,
спешить на помощь, собираться на войну.

Белее снега, белый вальс, кружись, кружись,
чтоб снегопад подольше не прервался.
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь,
и ты был бел — бледнее стен, белее вальса.

Где б ни был бал — в Лицее, в Доме офицеров,
в дворцовой зале, в школе — как тебе везло!
В России дамы приглашали кавалеров
во все века на белый вальс,
и было все белым-бело.

Потупя взоры, не смотря по сторонам,
через отчаянье, молчанье, тишину
спешили женщины прийти на помощь нам.
Их бальный зал — величиной во всю страну.

Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез,
припомни вальс, как был ты бел —
и улыбнешься.
Век будут ждать тебя — и с моря и с небес —
и пригласят на белый вальс, когда вернешься.

Ты внешне спокоен
среди шумного бала,
но тень за тобою
тебя выдавала —
металась, дрожала, ломалась она
в зыбком свете свечей.
И, бережно держа
и бешено кружа,
ты мог бы провести ее по лезвию ножа.
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей.

МЫ ВАС ЖДЕМ

Так случилось — мужчины ушли,
побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон,
растворились в дорожной пыли.
Вытекают из колоса зерна —
эти слезы несжатых полей,—
и холодные ветры проворно
потекли из щелей...

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!..
Пусть попутные ветры не бьют,
а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей:
ивы плачут по вас,
и без ваших улыбок
бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живем теремах —
входа нет никому в эти зданья:
одиночество и ожиданье
вместо вас поселились в домах.
Потеряла и свежесть и прелесть
белизна ненадетых рубах.
Да и старые песни приелись —
и навязли в зубах.

Все единою болью болит,
и звучит с каждым днем непрестанней
вековечный надрыв причитаний
отголоском старинных молитв.
Мы вас встретим и пеших, и конных,
утомленных, нецелых — любых...
Только б не пустота похоронных,
не предчувствия их!

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!..
Пусть попутные ветры не бьют,
а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей,
ибо плачут по вас,
и без ваших улыбок
бледнеют и сохнут рябины...

ПЕСНЯ О КОНЦЕ ВОЙНЫ

Сбивают из досок столы во дворе,
пока не накрыли — стучат в домино.
Дни в мае длиннее ночей в декабре,
и тянется время — но все решено.

Уже довоенные лампы горят вполнакала,
из окон на пленных глазела Москва свысока...
А где-то солдатиков в сердце осколком толкало,
а где-то разведчикам надо добыть «языка».

Вот уже обновляют знамена и строят в колонны.
И булыжник на площади чист, как паркет на полу...
А все же на запад идут, и идут, и идут батальоны,
и над похоронкой заходятся бабы в тылу.

Не выпито всласть родниковой воды,
не куплено впрок обручальных колец —
все смыло потоком великой беды,
которой приходит конец наконец!

Со стекол содрали кресты из полосок бумаги,
и шторы — долой! Затемненье уже ни к чему...
А где-нибудь спирт раздают перед боем
из фляги,
он все выгоняет — и холод, и страх, и чуму.

Вот уже очищают от копоти свечек иконы,
и душа и уста — и молитвы творят, и стихи...
Но с Красным Крестом все идут, и идут,
и идут эшелоны,
а вроде по сводкам потери не так велики.

Уже зацветают повсюду сады.
И землю прогрело, и воду во рвах.
И скоро награда за ратны труды —
подушка из свежей травы в головах.

Уже не маячат над городом аэролаты.
Замолкли сирены, готовясь победу трубить...
Но ротные все-таки выйти успеют в комбаты,
которого все еще запросто могут убить.

Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны,
вот и клятвы слышны — жить в согласье,
любови, без долгов...

А все же на запад идут, и идут, и идут эшелоны,
а нам показалось — почти не осталось врагов.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
и вдовы на них не рыдают.
К ним кто-то приносит букеты цветов,
и Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
а нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк,
горящие русские хаты,
горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог —
Кто считал, кто считал!..
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.

Но не думай, что мы обошлись без потерь —
Просто так, просто так..
Видишь — в поле застыл, как подстреленный зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!

Где ты, Ваня Петров? — что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну, а в сводках прочтем: «Враг потери понес,
Ну а мы — на исходный рубеж»...

3

Недостатков,
которых в людях не прощаю,
много.
Не хочу перечислять.
Но: жадность,
отсутствие позиций,
которое ведет за собой
много других пороков,
отсутствие у человека
твердых позиций,
когда он не знает сам даже
не только, чего не хочет
в этой жизни,
а когда не имеет своего мнения
и не может рассудить о людях,
о смысле жизни,
да о чем угодно.
В мужчинах ценю
сочетание доброты,
силы и ума, скажем так.
Когда подписываю
фотографии пацанам,
ребятам и еще подросткам,
даже детям, обязательно пишу им:
«Вырасти сильным, умным и добрым».
Вот такое сочетание.

К ВЕРШИНЕ

Памяти М. Хергиани

Ты идешь по кромке ледника,
взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз,
будто бы тебе покой обещан.
предостерегая всякий раз
камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают, к ним пришла беда:
дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
от разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
громким эхом отзывались скалы,
ветер по ущельям разносил
эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал,—
чтобы не был ты врагом замечен,—
каждый камень грудью прикрывал,
скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел — ты не поверил слухам!
И мягчал гранит, и таял лед,
и туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
ляжешь — над тобою, как над близким,
наклонятся горные хребты
самым прочным в миреobeliskом.

ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
навек, навек.
Для остановки нет причин —
иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
один путь — мой!
Среди невзятых рубежей
один — за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
снега таят...
Среди непройденных дорог
одна — моя!

Здесь голубым сияньем льдов
весь склон облит,
и тайну чьих-нибудь следов
гранит хранит...
А я гляжу в свою мечту —
поверх голов,
и свято верю в чистоту —
снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
мне не забыть,
что здесь сомнения я смог
в себе убить.
В тот день шептала мне вода:
«Удач — всегда!..»
А день, какой был день тогда?
Ах да — среда!..

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг, а — так...
Если сразу не разберешь,
плох он или хорош,—
парня в горы тяни — рискни!
Не бросай одного его!
Пусть он в связке одной с тобой —
там поймешь, кто такой.

Если парень в горах — не ах,
если сразу раскис и — вниз,
шаг ступил на ледник и — сник,
оступился — и в крик,—
значит, рядом с тобой — чужой.
Ты его не брани — гони:
вверх таких не берут, и тут
про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
пусть он хмур был и зол, но — шел,
а когда ты упал со скал,
он стонал, но — держал;
если шел он с тобой как в бой,
на вершине стоял, хмельной,—
значит, как на себя самого,
положись на него.

ВЕРШИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
идут лавины одна за одной,
и здесь за камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,—
но мы выбираем трудный путь,
опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
тот сам себя не испытал,
пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
за всю свою счастливую жизнь
десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
и не похож на монумент
тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнем, сверкает днем
вершина изумрудным льдом,
которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
на риск и непомерный труд,—
пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай,—
в горах ненадежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеемся только на крепость рук,
на руки друга и вбитый крюк
и молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
и сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем!
И только немного завидуешь тем —
другим, у которых вершина еще впереди.

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
возвращаемся мы — просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы —
на которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
кто захочет уйти, зову сердца не внимая?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин...
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы —
на которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
горы будят у нас — и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем,
потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы,
на которых никто не бывал!

ТУМАН

Сколько чудес за туманами кроется.
Ни подойти, ни увидеть, ни взять.
Дважды пытались, но Бог любит троицу,
Ладно, придется Ему подыграть.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй, как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Было когда-то — тревожили беды нас,
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность,
Хватит тайгу запираť на засов!

Тайной покрыто, молчанием сколото,—
Заколдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото
Сторож седой охраняет — туман.

Что же? Выходит — и пробовать нечего?
Перед туманом — ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй, как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

◆ ◆ ◆
Заказана погода нам удачею самой,
довольно футов нам под киль обещано,
и небо поделилось с океаном синевой —
две синевы у горизонта скрещены.

Не правда ли, морской хмельной
невиданный простор
сродни горам в безумье, буйстве, кротости;
седые гривы волн чисты, как снег
на пиках гор,
и впадины меж ними — словно пропасти...

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

Нам сам Великий Случай — брат,
Везение — сестра,
хотя — на всякий случай — мы встревожены.
На суше пожелали нам «ни пуха ни пера».
созвездья к нам прекрасно расположены.

Мы все — впередсмотрящие, все начали с азэв,
и если у кого-то невезение —
меняем курс, идем на SOS, как там,
в горах, — на зов,
на помощь, прерывая восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза,
не сединой, а солью убеленные,
скупая океанская огромная слеза
умоет наши лица просветленные.

Взята вершина, клотики вонзились в небеса.
С небес на землю — только на мгновение.
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса —
и снова начинаем восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

Мы говорим не «штормы», а «шторма» —
слова выходят коротки и смачны.
«Ветра» — не «ветры» — сводят нас с ума,
из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето,
мы чтим чутье компасов и носов.
Упругие тугие мышцы ветра
натягивают кожу парусов.

На чаше звездных подлинных Весов
седой Нептун судьбу решает нашу,
и стая псов, голодных Гончих Псов,
надсадно воя, гонит нас на Чашу.

Мы — призрак легендарного корвета,
качаемся в созвездии Весов.
И словно заострились струи ветра
и вспарывают кожу парусов.

По курсу — тень другого корабля.
Он шел и в штормы хода не снижая.
Глядите: вон болтается петля
на рее, по повешенным сучая.

С ним провиденье поступило круто:
лишь вечный штиль — и прерван ход часов,
попутный ветер словно бес попутал —
он больше не находит парусов.

Нам кажется, мы слышим чей-то зов —
таинственные четкие сигналы...

Не жажда славы, гонок и призов
бросает нас на гребни и на скалы.

Изведать то, чего не ведал сроду,—
глазами, ртом и кожей пить простор!..
Кто в океане видит только воду,
тот на земле не замечает гор.

Пой, ураган, нам злые песни в уши,
под череп проникай и в мысли лезь,
лей, звездный дождь, вселяя в наши души
землей и морем вечную болезнь.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Четыре года рыскал в мсре наш корсар.
В боях и штормах не поблекло наше знамя.
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам.
На море штиль и не избежать встречи,
Но нам сказал спокойно капитан:
— Еще не вечер, еще не вечер!

Вот развернулся боком флагманский фрегат
И левый борт окрасился дымами.
Ответный залп — на глаз и наугад.
Вдали пожар и смерть. Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, да и в трюме течи,
А капитан нам шлет привычный знак:
— Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, трубы сотни глаз.
И видят нас, от дыма злых и серых,
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой. Корабль кренится наш.
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На бордаж!
Еще не вечер! Еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля —
готовьте ваши руки к рукопашной!

А крысы пусть уходят с корабля —
Они мешают схватке бесшабашной!

А крысы думали: «А чем не шутит черт?»
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт.
Еще не вечер. Еще не вечер...

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза!
Чтоб не достаться спрутам или крабам,—
Кто с кельтом, кто с кинжалом, кто в слезах,—
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет! Им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи!
Ведь океан-то с нами заодно!
И прав был капитан: «Еще не вечер!»

СТАНОВИСЬ МОРЯКОМ

Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода,
Мы не ждали его — не за легкой добычей пошли.
Провожая закат, мы живем ожиданием восхода
И, влюбленные в море, живем ожиданием земли.

Помнишь детские сны о походах Великой Армады?
Абордажи, бои, паруса и под ложечкой ком?
Все сбылось: «Становись, становись!» —

раздаются команды,

Это требует море — скорей становись моряком.

Наверху впереди злее ветры, багровее зори.
Правда сверху видней, впереди же —

исход и земля.

Вы матросские робы, кровавые ваши мозоли
Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя.

По сигналу «Пошел!» оживают продрогшие реи,
Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком.
Становись, становись, становись человеком

скорее,—

Это значит на море — скорей становись моряком.

Поднимаемся к небу по вантам, как будто

по вехам,

Там и ветер живой, он кричит, а не шепчет тайком:
— Становись, становись, становись человеком! —
Это значит на море — скорей становись моряком.

Чтоб отсутствием долгим нас близкие

не попрекали,

Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе.
Оставайтесь, ребята, людьми,

становясь моряками,

Становясь капитаном, храните матроса в себе,

**ЕНГИБАРОВУ — КЛОУНУ
ОТ ЗРИТЕЛЕЙ**

Шут был вор, он воровал минуты,
Грустные минуты тут и там.
Грим, парик, другие атрибуты
Этот шут дарил другим шутам.

В светлом цирке, между номерами,
Незаметно, тихо, налегке
Появлялся клоун между нами
В шутовском дурацком колпаке.

Зритель наш шутами избалован.
Жаждет смеха он, потрянув мощной,
И кричит: «Да разве это клоун?
Если клоун — должен быть
смешной!»

Вот и мы... Пока мы вслух ворчали:
«Вышел на арену, так смейся!» —
Он у нас тем временем печали
Вынимал тихонько из души.

Мы опять в сомненьи — век
двадцатый,
Цирк у нас, конечно, мировой,
Клоун, правда, слишком
мрачноватый,
Невеселый клоун, несмешной.

Ну, а он, как будто в воду канув,
Вдруг при свете, нагло, в две
руки
Крал тоску из внутренних
карманов
Наших душ, одетых в пиджаки.

Мы потом смеялись обалдело,
Хлопали, ладони раздробя.
Он смешного ничего не делал,—
Горе наше брал он на себя.

Только балагуря, тараторя,
Все грустнее становился мим,
Потому что груз чужого горя
Из упрямства он считал своим.

Тяжелы печали, ощутимы...
Шут сгибался в световом кольце,
Горше становились пантомимы,
И морщины глубже на лице.

Но тревоги наши и невзгоды
Он горстями выгребал из нас,
Нам давая видимость свободы,
А себе защиты не припас.

Мы теперь без боли хохотали,
Весело, по нашим временам:
«Ах! Как нас приятно обокрали —
Взяли то, что так мешало нам!»

Время! И, разбив себе колени,
Уходил он, думая свое.
Рыжий воцерялся на арене,
Да и за пределами ее.

Злое наше вынес добрый гений
За кулисы вот нам и смешно.
Тысячи украденных мгновений
В нем сосредоточились в одно.

В сотнях тысяч ламп погасли свечи,
Барабана дробь... и тишина.
Слишком много он взвалил на плечи
Нашего. И сломана спина.

Зрители, и люди между ними,
Думали: «Вот пьяница упал».
Шут в своей последней пантомиме
Заигрался и переиграл.

Он застыл не где-то, не за морем,
Возле нас, как бы прилег, устав.
Первый клоун захлебнулся горем,
Просто сил своих не рассчитав.

ДАЛЬНИЙ РЕЙС

Мы без этих колес — словно птицы без крыл.
Пуще зелья нас приворожила
пара сот лошадиных сил
и, наверно, нечистая сила.

Говорят, все конечные пункты Земли
нам маячат большими деньгами,
километры длиною в рубли,
говорят, остаются за нами.

Хлестнет по душам
наш конечный пункт —
моторы глушим,
и плашмя на грунт!
Пусть говорят — мы за рулем
за длинным гонимся рублем...
Да, это — тоже, но суть не в том.

Нам — то тракты прямые, то петли шоссе...
Эх, еще бы чуток шоферов нам!
Не надеюсь, что выдержат все —
не сойдут на участке неровном.

Но я скатом клянусь — тех, кого мы возьмем
на два рейса на нашу галеру, —
живо в божеский вид приведем
и, понятно, в шоферскую веру.

И нам, трехосным,
тяжелым на подъем
и в переносном
смысле и в прямом,
обычно — надо позарез,
и вечно — времени в обрез,
Оно понятно — далекий рейс...

В дальнем рейсе сиденье — то стол, то лежак,
а напарник считается братом.
Просыпаемся на виражах.
на том свете почти правым скатом;

На колесах наш дом, стол и кров за рулем —
это надо учитывать в сметах.
Мы друг с другом расчеты ведем
общим сном в придорожных кюветах.

Земля нам пухом,
когда на ней лежим,—
полдня под брюхом
что-то ворожим.
Мы не шагаем по росе —
все наши оси, тонны все
в дугу сгибают мокрое шоссе.

Обгоняет нас вся мелкота, и слегка
нам обгоны, конечно, обидны.
Но мы смотрим на них свысока —
а иначе нельзя из кабины.

Чехарда дней, ночей, то лучей, то теней...
Но в ночные часы перехода —
перед нами стоит без сигнальных огней
шоферская лихая свобода!

Сиди и грейся,—
болтает, как в седле...
Без дальних рейсов —
нет жизни на земле!
Кто на себе поставил крест,
кто сел за руль, как под арест,
тот не способен на дальний рейс!

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

Я вышел ростом и лицом —
спасибо матери с отцом,
с людьми в ладу — не понукал, не помыкал,
спины не гнул — прямым ходил,
и в ус не дул, и жил как жил,
и голове своей руками помогал...

Бродяжил — и пришел домой
уже с годами за спиной.
Висят года на мне — ни бросить, ни продать.
Но на начальника попал,
который бойко вербовал,—
и за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге — МАЗ,
который по уши увяз.
В кабине тьма, напарник третий час молчит.
Хоть бы кричал, аж зло берет —
назад пятьсот, пятьсот вперед,—
а он зубами «танец с саблями» стучит.

Мы оба знали про маршрут,
что этот МАЗ на стройках ждут.
А наше дело — сел, поехал — ночь, полночь!
Ну надо ж так — под Новый год
назад пятьсот, пятьсот вперед,
сигналим зря — пурга и некому помочь!

«Глуши мотор,— он говорит,—
пусть этот МАЗ огнем горит!»
Мол, видишь сам — тут больше нечего ловить,
мол, видишь сам — кругом пятьсот,
и к ночи точно — занесет,
так заровняет, что не надо хоронить!..

Я отвечаю: «Не канючы!» —
а он — за гаечный за ключ
и волком смотрит (он вообще бывает крут),
А что ему — кругом пятьсот,

и кто кого переживет,
тот и докажет, кто был прав, когда припрут.

Он был мне больше чем родня,—
он ел с ладони у меня.
А тут глядит в глаза — и холодно спине.
А что ему — кругом пятьсот,
и кто там после разберет,
что он забыл, кто я ему и кто он мне!

И он ушел куда-то вбок.
Я отпустил, а сам прилег,
мне снился сон про наш веселый наворот:
что будто вновь кругом пятьсот,
ищу я выход из ворот,
но нет его, есть только вход — и то не тот.

Конец простой: пришел тягач,
и там был трос, и там был врач,
и МАЗ попал — куда положено ему,
и он пришел — трясется весь...
А там опять далекий рейс...
Я зла не помню — я опять его возьму.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Не космос — метры грунта надо мной,
и в шахте не до праздничных процессий,
но мы владеем тоже вземной —
и самую земною из профессий!

Любой из нас — ну чем не чародей?!
Из преисподни наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей —
свои котлы топить им будет нечем!

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

Да, сами мы — как дьяволы — в пыли,
зато наш поезд не уйдет порожний.
Терзаем чрево матушки-Земли,
но на земле теплее и надежней.

Вот вагонетки, душу веселя,
проносятся, как в фильме о погонях,
и шуточку «Даешь стране угля!»
мы чувствуем на собственных ладонях.

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

Да, мы бываем в крупном барыше,
но роём глубже: голод — ненасытен.
Порой копать в собственной душе
мы забываем, роясь в антраците.

Воронками изрытые поля
не позабудь — и оглянись во гневе!
Но нас, благословенная Земля,
прости за то, что роёмся во чреве.

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

Вгрызаясь в глубь веков хоть на виток
(то взрыв, то лязг — такое безгитарье!),
вот череп вскрыл отбойный молоток,
задев кору большого полушарья.

Не бойся заблудиться в темноте
и захлебнуться пылью — не один ты!
Вперед и вниз! Мы будем на щите —
мы сами рыли эти лабиринты!

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

*А. Назаренко и экипажу теплохода
«Шота Руставели»*

Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты,
и хрипят табуны, стервенея, внизу.
На глазах от натуги худеют канаты,
из себя на причал выжимая слезу.

И команды короткие, злые
быстрый ветер уносит во тьму:
«Кранцы на борт!», «Отдать носовые!»
и «Буксир, подработать корму!»

Капитан, чуть улыбаясь,—
все, мол, верно, молодцы,—
от земли освобождаясь,
приказал рубить концы.

Только снова назад обращаются взоры,
цепко держит земля, все и так, и не так.
Почему слишком долго не сходятся створы,
почему слишком часто моргает маяк?

Все в порядке, конец всем вопросам.
Кроме вахтенных, всем — отдыхать.
Но пустуют каюты — матросам
к той свободе еще привыкать.

Капитан, чуть улыбаясь,
молвил только: «Молодцы!»
От земли освобождаясь,
нелегко рубить концы

Переход — двадцать дней. Рассыхаются шлюпки,
нынче утром последний отстал альбатрос...
Хоть бы шторм! Или лучше, чтоб в радиорубке
обалдевший радист принял чей-нибудь SOS.

Так и есть: трое — месяц в корыте,
яхту вдребезги кит разобрал...

Да за что вы нас благодарите?!
Вам спасибо за этот аврал!

Капитан, чуть улыбаясь,
бросил только: «Молодцы!» —
тем, кто, с жизнью расставаясь,
не хотел рубить концы.

И опять будут Фиджи, и порт Кюрасао,
и еще чёрта в ступе, и бог знает что,
и красивейший в мире фиорд Милфорд-Саунд —
все, куда я ногой не ступал, но зато —

Пришвартуетесь вы на Таити
и прокрутите запись мою —
через самый большой усилитель
я про вас на Таити спою.

Скажет мастер, улыбаясь,
мне и песне: «Молодцы!»
Так, на суше оставаясь,
я везде креплю концы.

И опять продвигается, словно на ринге,
по воде осторожная тень корабля.
В напряженье матросы, ослаблены шпринги.
«Руль полборта налево!» — и в прошлом земля.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Хорошо, что за ревом не слышалось звука,
что с позором своим был один на один...
Я замешкался возле открытого люка
и забыл пристегнуть карабин.

Мне инструктор помог — и коленом пинок —
перейти этой слабости грань.
За обычное наше «Смелее, сынок!»
принял я его сонную брань.

И оборвали крик мой,
и обожгли мне щеки
холодной острой бритвой
восходящие потоки.
И звук обратно в печень мне
вогнали вновь на вдохе
веселые, беспечные
воздушные потоки.

Я попал к ним в умелые, цепкие руки:
мнут, швыряют меня — что хотят, то творят!
И с готовностью я сумасшедшие трюки
выполняю, шутя, все подряд.

Есть ли в этом паденье какой-то резон —
я узнаю потом, а пока:
то валился в лицо мне земной горизонт,
то шарахались вниз облака...

И обрывали крик мой,
и выбривали щеки
холодной острой бритвой
восходящие потоки.
И кровь вгоняли в печень мне,
упрямы и жестоки,
невидимые встречные
воздушные потоки.

Но рванул я кольцо на одном вдохновенье,
как рубаху от ворота или чеку.
Это было в случайном, свободном паденье —
восемнадцать недолгих секунд.

А теперь некрасив я, горбат с двух сторон,
в каждом горбе — спасительный шелк.
Я на цель устремлен, и влюблен, и влюблен
в затяжной, неслучайный прыжок.

И обрывают крик мой,
и обрывают щеки,
холодной острой бритвой
скользят по мне потоки.
И задувают в печень мне
на выдохе и вдохе
бездушные, но вечные
воздушные потоки.

Я лечу — треугольники, ромбы, квадраты
проявляются в реки, озера, луга.
Только воздух густеет, твердеет, проклятый,
он мне враг — парашютный слуга!

А машина уже на посадку идет,
в землю сплюнув в отчаянье мной.
Буду я на земле раньше, чем самолет,
потому что прыжок — затяжной.

И обрывают крик мой,
и выбривают щеки —
тупой холодной бритвой
скребут по мне потоки.
На мне мешки заплечные,
встречаю — руки в боки —
шальные, быстротечные
воздушные потоки.

Беспримерный прыжок из глубин стратосферы.
По сигналу «Пошел!» я шагнул в никуда —

за невидимой тенью безликой химеры,
за свободным паденьем — айда!

Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму,
хоть условия паденья не те.
Но и падать свободно нельзя, потому
что мы падаем не в пустоте.

И обрывают крик мой,
и выбривают щеки,
у горла старой бритвой
уже снуют потоки.
Но жгут костры, как свечи, мне,
я приземлюсь и в шоке,
прямые, безупречные
воздушные потоки.

Ветер в уши сочится и шепчет скабрезно:
«Не тяни за кольцо, скоро легкость придет!»
До земли триста метров — сейчас будет поздно...
Ветер врет, обязательно врет!

Стропы рвут меня вверх, выстрел купола — стоп!
И — как не было этих минут.
Нет свободных падений с высот, но зато
есть свобода раскрыть парашют.

Мне охлаждают щеки
и открывают веки —
исполнены потоки
забот о человеке!
Глазею ввысь печально я —
там звезды одиноки —
и пью горизонтальные
воздушные потоки.

ХОЛОДА

В холода, в холода
от насиженных мест
нас другие зовут города,
будь то Минск, будь то Брест...
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
от родных тополей
нас суровые манят места —
будто там веселей...
Неспроста, неспроста.

Как нас дома ни грей,
не хватает всегда
новых встреч нам и новых друзей —
будто с нами беда,
будто с ними теплой.

Как бы ни было нам
хорошо иногда —
возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может, здесь, может, там...

Кто старше нас на четверть века, тот
уже увидел близости и дали:
им повезло — и кровь, и дым, и пот
они понюхали, хлебнули, повидали.

И ехали в теплушках — не в тепле,
на стройки, на фронты и на рабфаки.
Они ходили в люди по земле
и в штыковые жесткие атаки.

Но время эшелонное прошло —
в плацкартных едем, травим анекдоты...
Мы не ходили — шашки наголо,
в отчаянье не падали на доты.

И все-таки традиция живет:
взяты не все вершины и преграды —
не потому ли летом каждый год
идем в студенческие наши стройотряды.

Песок в глазах, в одежде и в зубах —
мы против ветра держим путь на тракте,
на дивногорских каменных Столбзах
хребты себе ломаем и характер.

Мы гнемся в три погибели — ну, что ж,
такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь —
зато ничем нас после не согнешь,
зато нас на равнине не сломаешь!

ПОЭМА О КОСМОНАВТЕ

Я первый смерил жизнь обратным
счетом.

Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим и грузен
И погружен в молчанье, а пока
Мега и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память мне кнутом по
нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть
первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него на тратят шрифта —
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь до
лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертил орбиту.
При мне его в лицо не знал никто.
Я знал: сейчас он в бункере закрытом.
Бросает горсти мыслей в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.

Эксперимент вошел в другую фазу.
Пульс начал реже в датчики стучать.
Я в ночь влетел, минуя вечер, сразу,
И получил команду отдыхать.

И стало тесно голосам в эфире;
Но Левитан ворвался, как в спортзал.
Он отчеканил громко: «Первый в
мире!»

Он про меня хорошее сказал.

Я шлем скафандра положил на локоть,
Изрек при самочувствии свое...
Пришла такая приторная легкость,
Что даже затошнило от нее.

Шнур микрофона словно в петлю
свился,

Стучали в ребра легкие, звеня.
Я на мгновенье сердцем подавился —
Оно застряло в горле у меня.

Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вешу нуль, так мало — ничего!

Но я не ведал в этот час полета,
Шутя над невесомостью чудной,
Что от нее кровавой будет рвота
И костный кальций вымоет с мочой.

.

Все, что сумел запомнить, я сразу
перечислил,

Надиктовал на ленту и даже записал.
Но надо мной парили разрозненные

мысли

И стукались боками о вахтенный
журнал.

Весомых, зримых мыслей я насчитал немало,
И мелкие сновали меж ними чуть

плавней,
Но невесомость в весе их как-то
уравняла —
Там после разберутся, которая важней.

А я ловил любую, какая попадалась,
Тянул ее за тонкий невидимый канат.
Вот первая возникла и сразу

оборвалась,
Осталось только слово одно:
«Не виноват!»
Но слово «невиновен» — не значит
«непричастен»,—

Так на Руси ведется уже
с давнишних пор.

Мы не тянули жребий, — мне
подмигнуло счастье,
И причастился к звездам член партии,
майор.

Между «нулем» и «пуском» кому-то
показалось,

А может — оператор с испугу записал,
Что я довольно бодро, красуясь даже
малость,

Раскованно и браво «Поехали!»
сказал.

4

Во всех моих вещах
есть большая доля
авторского домысла,
фантазии, а иначе не было бы
никакой ценности всему тому,
что я делаю.

Подумаешь,
увидел своими глазами,
взял да и зарифмовал.
И никакого достоинства
в этом, в общем, нет.
Человек должен быть
наделен фантазией,
чтобы творить.

Он по природе — творец.

Если он основывается
только на фактах,
что-то такое там рифмует,
пишет — такой реализм
меня не устраивает.

Лично я больше за Свифта,
за Гоголя, за Булгакова,
за 26-летнего Лермонтова...

Они настоящие теорцы.

И, конечно,
настоящего искусства нет
без страдания.

То есть

все опять сводится к одному:
личность, индивидуальность —
вот что главное.

ПЕСНЯ О ПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споется мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют — да все из сказок!

Птица Сирин мне радостно скалится,
веселит, зазывает из гнезд.
А напротив — тоскует, печалится,
травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
зазвенели в свой черед —
это птица Гамаюн
надежду подает!..

В синем небе, колокольнями проколотом,—
медный колокол, медный колокол —
то ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом,
чтобы чаще Господь замечал...

Я стою как перед вечною загадкой —
пред великою да сказочной страной,—
перед солоно да горько-кисло-сладкою,
голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая, жирной да ржавою,
вязнут лошади по стремяна,—
но влекут меня сонной державою,
что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
на пути моем встает —
то мне птица Гамаюн
надежду подает!

Душу, сбитую утратами да тратами,
душу, стертую перекатами,—
если до крови лоскут истончал,—
залатаю золотыми я заплатами,
чтобы чаще Господь замечал...

Как по Волге-матушке,
по реке-кормилице —
все суда с товарами,
струи да ладьи...
И не надорвалась,
и не притомилась —
ноша не тяжелая,
корабли свои.

Вниз по Волге плавая,
прохожу пороги я
и гляжу на правые
берега пологие.
Там камыш шевелится,
поперек ломается,
справа берег стелется,
слева — поднимается...

Волга песни слышала
хлеще, чем «Дубинушка», —
в ней вода исхлестана
пулями врагов.
И плыла по матушке
наша кровь-кровинушка,
стыла бурой пеною
возле берегов.

Долго в воды пресные
лились слезы строгие, —
берега отвесные,
берега пологие
плакали, измызганы
острыми подковами,
но теперь зализаны
злые раны волнами.

Что-то с вами сделалось,
 города старинные,
 там, где стены древние,
 на холмах кремли,—
 словно пробудились
 молодцы былинные
 и, числом несметные,
 встали из земли.

Лапами гребастая,
 корабли стараются —
 тянут баржи с Каспия,
 тянут, надрываются,
 тянут — не оглянутся,
 и на версты многие
 за крутыми тянутся
 берега пологие.

**ИГРА В КАРТЫ
В ДВЕНАДЦАТОМ ГОДУ**

На гол колоду, господа,—
крапленая колода!
Он подменил ее, когда,
барон, вы пили воду.

Валет наколот, так и есть!
Барон, ваш долг погашен!
Вы проходимец, ваша честь!
Вы проходимец, ваша честь,—
и я к услугам вашим.

Что? Я не слышу ваш апарт.
О нет, так не годится...
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Закончить не смогли вы кон —
верните бриллианты!
А вы, барон, и вы, виконт,
пожалте в секунданты!
Ответьте — если я не прав,
но наперед все лживо!

Итак, оружие ваше, граф,
итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
вам не попасть в больницу!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Да полно, предлагаю сам:
на шпагах, пистолетах...
Хотя сподручней было б вам —

на дамских амулетах.
Кинжал... Ах, если б вы смогли...
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли,
но вы б, конечно, предпочли —
на шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт,
вам предстоит сразиться!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Не поднимайте, ничего,
я встану сам, сумею!
Я снова вызову его,
пусть даже протрезвею.
Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
пусть он расскажет, старый хрыч,
чем он крапил колоду.

Когда откроет тайну карт,
дуэль не состоится!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

А коль откажется сказать —
клянусь своей главою:
графиню можете считать
сегодня же — вдовою.
И хоть я шуток не терплю,
но я могу взбеситься.
Тогда я графу прострелю,

тогда я графу прострелю,
эскьюз ми, ягодицу!

Вы не получите инфаркт —
вам предстоит сразиться!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

А вы, виконт, хоть и не трус,
а все-таки скотина!
Я с вами завтра же дерусь,
вот слово дворянина!
А вы, барон, извольте здесь
не падать — как же можно?!
Ну а за сим, имею честь,
ну а за сим, имею честь,—
я спать хочу безбожно!

Стоял весенний месяц март,
летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

...Ах, граф, прошу меня простить —
я вел себя бестактно.
Я в долг хотел у вас просить,
но не решился как-то.
Хотел просить наедине —
мне на людях неловко —
и вот пришлось устроить мне,
и вот пришлось устроить мне
дебош и потасовку.

Я весь в долгах. Пусть я не прав,
имейте снисхожденье!
Примите уверенья, граф,
а с ними — извиненье...
О да, я выпил целый штоф —
и сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...

Стоял июль, а может, март...
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Оплавляются свечи
на старинный паркет.
Дождь стекает на плечи
серебром с эполет.
Как в агонии, бродит
золотое вино.
Пусть былое уходит,
что придет — все равно.

И, в предсмертном томленьи
озираясь назад,
убегают олени,
нарываясь на залп.
Кто-то дуло наводит
на невинную грудь.
Пусть былое уходит,
пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
веселясь, наугад
мечет острые стрелы
в воспаленный закат.
Слышно в буре мелодий
повторение нот.
Все былое уходит.
Пусть придет, что придет.

АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ

Возвращаюсь я с работы,
рашпиль ставлю у стены...
Вдруг — в окно порхает кто-то
из постели от жены.
Я, конечно, вопрошаю:
— Кто такой? —
А она мне отвечает:
— Дух святой!

Ох, я встречу того духа —
ох, отмечу его в ухо...
Дух — он тоже духу рознь.
Коль святой — так Машку брось!
Хоть ты — кровь голубая,
хоть ты — белая кость,
до Христа дойду, и знаю —
не пожалует Христос!

Машка, вредная натура, —
так и лезет на скандал.
Разобиделася, дура,
вроде, значит, — помешал.
Я сперва-сначала с лаской —
то да се, —
а она к стене с опаской:
— Нет, и все!

Я тогда цежу сквозь зубы,
но уже, конечно, грубо:
— Хоть он возрастом и древний,
хоть годов ему тыщ шесть —
у него в любой деревне
две-три бабы точно есть!

Я к Марии с предложеньем
(я на выдумки мастак!),

мол, в другое воскресенье
ты, Мария, сделай так:
я потопаю под утро —
мол, пошел...
А ты прими его как будто...
Хорошо?

Ты накрой его периной
И запой — тут я с дубиной!
Он крылом — а я колом.
Он псалом — а я кайлом!
Тут, конечно, он сдается.
Честь Марии спасена!..
Потому что мне сдается,
этот ангел — Сатана...

...Вот влетаю с криком, с деревом,
весь в надежде на испуг.
Машка плачет.
— Машка, где он?
— Улетел желанный дух!..
— Как же это, я не знаю...
Как успел?
— Да вот так вот, — отвечает, —
улетел.
Он псалом мне прочитал
и крылом пощекотал...

— Ты шутить с живым-то мужем?!
Ах ты, скверная жена! —
Я взмахнул своим оружием...
Смейся, смейся, Сатана!

СЕМЬЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

А ну, отдай мой каменный топор!
И шкур моих набедренных не троны!
Молчи, не вижу я тебя в упор,—
сиди вон и поддерживай огонь.

Выгадывать не смей на мелочах,
не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг,—
разбаловалась ты в матриархат!

Придержи свое мнение,
я — глава, и мужчина — я.
Соблюдай отношения
первобытнообщинные.

Там мамонта убьют — поднимут вой,
начнут добычу поровну делить...
Я не могу весь век сидеть с тобой,
мне надо хоть кого-нибудь убить!

Старейшины сейчас придут ко мне,
смотри еще — не выйди голой к ним!
В век каменный — и не достать камней —
мне стыдно перед племенем своим!

Пять бы жен мне — наверное,
разобрался бы с вами я!
Но дела мои скверные,
потому — моногамия.

А все твоя проклятая родня!..
Мой дядя, что достался кабану,

когда был жив, предупреждал меня:
нельзя из людоедок брать жену.

Не ссорь меня с общиной — это ложь,
что будто к тебе кой-то пристаёт.
Не клевети на нашу молодежь,
она — надежда наша и оплот!

Ну, что глядишь — тебя пока не бьют.
Отдай топор, добром тебя прошу!
И шкуры где? Ведь люди засмеют!..
До трех считаю, после — задушу!

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Как-то вечером патриции
собрались у Капитолия
новостями поделиться — и
выпить малость алкоголя.
Не вести ж бесед тверезыми!
Марк-патриций не мытарился —
пил нектар большими дозами
и ужасно нанектарился.

И под древней под колонною
он исторг из уст проклятия:
— Эх, с почтенною Матреною
разойдусь я скоро, братия.
Она спуталась с поэтами,
помешалась на театрах —
так и шастает с билетами
на приезжих гладиаторов.

«Я,— кричит,— от бескультурия
скоро стану истеричкою...»
В общем, злобствует, как фурия,
поощряема сестричкою.
Только цикают и шикают...
Ох, налейте снова мне двойных!
Мне ж рабы в лицо хихикают.
На войну бы мне, да нет войны.

Я нарушу все традиции —
мне не справиться с обеими.
Опускаюсь я, патриции,
дую горькую с плебеями.
Я ей дом оставлю в Персии,
пусть берет сестру-мегерочку...
А на отцовские сестерции
я заведу себе гетерочку.
У гетер — хотя безнравственной,
но они не обезумели.

У гетеры пусть все явственней,
зато родственники умерли.
Там сумею исцелиться — и
из запоя скоро выйду я..
И пошли домой патриции,
Марку пьяному завидуя.

**ПРО ЛЮБОВЬ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Сто сарацинов я убил во славу Ей —
прекрасной даме посвятил я сто смертей!
Но наш король — лукавый сир —
затеял рыцарский турнир.
Я ненавижу всех известных королей!

Вот мой соперник — рыцарь Круглого стола.
Чужую грудь мне под копьё король послал.
Но — в сердце нежное Её
мое направлено копьё...
Мне наплевать на королевские дела!

Герб на груди его — там плаха и петля.
Но будет дырка там, как в днище корабля.
Он — самый первый фаворит,
к нему король благоволит.
Но мне сегодня наплевать на короля!

Король сказал: «Он с вами справится шая,—
и пошутил: — Пусть будет пухом вам земля!»
Я буду пищей для червей,
тогда он женится на Ней...
Простит мне бог, я презираю короля!

Вот подан знак — друг друга взглядом пепеля,
коней мы гоним, задыхаясь и пыля.
Забрало поднято — изволь!
Ах, как волнуется король!..
Но мне, ей-богу, наплевать на короля!

Итак, все кончено — пусть отдохнут поля.
Вот льется кровь его на стебли ковыля.
Король от бешенства дрожит,
но мне Она принадлежит —
мне так сегодня наплевать на короля!

...Но в замке счастливо мы не прожили с Ней —
король в поход послал на сотни долгих дней...
Не ждет меня мой идеал,
ведь он — король, а я — вассал,—
и рано, видимо, плевать на королей.

ТАУ КИТА

В далеком созвездии Тау Кита
все стало для нас непонятно.
Сигнал посылаем: «Вы что это там?»
А нас посылают обратно.
На Тау Ките
живут в красоте,
живут, между прочим, по-разному
товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
без помощи, но при посредстве,
я к Тау Ките этой самой лечу,
чтоб с ней разобраться на месте.
На Тау Кита
чего-то не так,
там таукитовая братия
свихнулась, по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
те таукитяне буянят.
Все реже я с ними на связь выхожу —
уж очень они хулиганят.
У таукитов
в алфавите слов —
немного, и строй буржуазный,
и юмор у них безобразный.

Корабль посадил я, как собственный зад,
слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянки: «Виват!»,
что значит по-нашему — «здрасьте!».
У таукитян
вся внешность — обман,
тут с ними нельзя состязаться:
то явятся, то растворятся...

Мне таукитянин — как вам папуас,
мне вкратце о них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!»
В ответ они чем-то мигнули.
На Тау Ките
условья не те:
тут нет атмосферы, тут душно,
но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: «Мать вашу, мол!..»
Но кибернетический гид мой
настолько дословно меня перевел,
что мне за себя стало стыдно.
Но таукиты
такие скоты,
наверно, успели набраться:
то явятся, то растворятся...

«Вы, братья по полу,— кричу,— мужики!
Ну что...» Тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну,— говорю,— признавайся!»
Она мне: «Уйди,
мол, мы впереди —
не хотим с мужчинами знаться,
а будем теперь — почковаться!»

Не помню, как поднял я свой звездолет,
лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
по гнусной теорье Эйнштейна —
что, если и там,
как на Тау Кита,
ужасно повысилось знанье,
что, если и там — почкованье?!

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха,
кто — в Исуса,
кто ни во что не верит — даже в черта,
на́зло всем...
Хорошую религию придумали индусы —
что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя —
родишься вновь с мечтою,
но если жил ты, как свинья,
останешься свиньею.

Пусть косо смотрят на тебя —
привыкни к укоризне.
Досадно — что ж, родишься вновь,
на колкости горазд.
А если видел смерть врага еще при этой жизни —
в другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько,
есть повод веселиться:
ведь, может быть, в начальника
душа твоя вселится.

Пускай живешь ты дворником,
родишься вновь — прорабом.
а после из прораба до министра дорастешь.
Но если туп, как дерево,— родишься баобабом
и будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Досадно попугаем жить,
гадюкой с длинным веком...
Не лучше ли при жизни быть
приличным человеком?!

Какие ситуации! Простор воображению:
был гордым и почтенным, а родился — дураком.
А если мало радует такое положение,
скажи еще спасибо, что не сделался скотом.

Уж лучше сразу — в дело, чем
копить свои обиды,
ведь если будешь мелочен —
докатишься до гниды.

Так кто есть кто, так кто был кем —
мы никогда не знаем,—
с ума сошли генетики от ген и хромосом.
Быть может, тот облезлый кот
был раньше негодяем,
а этот милый человек был раньше добрым псом.

Я от восторга прыгаю,
я обхожу искусства —
удобную религию
придумали индусы.

**БУДУТ И СТИХИ,
И МАТЕМАТИКА**

Будут и стихи, и математика.
Почести, долги, неравный бой.
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, стали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Но ведь на войне как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях
Поровну на каждой стороне.

Может быть, пробелы в воспитании
И в образовании слабина,—
Но не может выиграть кампании
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные,
Как перед собой не согрешить?
Тут и там солдаты оловянные,
Как решить, кто должен победить.

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям?
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего,
Но рука решительная правая
Вмиг восстановила статус-кво.

**Где вы, легкомысленные гении,
Или вам являться недосуг?**

Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил,
Где вы, уподобленные Цезарю,
Что пришел, увидел, победил?

Сколько б ни предпринимали армии
Контратак, прорывов и бросков,—
Все равно на каждом полушарии
Поровну игрушечных бойцов.

Мучается полководец маленький,
Непосильной ношей отягчен.
Вышедший в громадные начальники
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил в синий — шутка гения.
Утром вижу — синие лежат.

Счастлив я успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:
Как решил он, чтоб погибли именно
Синие, а не наоборот.

ПОЖАРЫ

Пожары над страной все выше, жарче, веселей.
Их отблески плясали в два притопа, три прихлопа,
но вот судьба и время пересели на коней,
а там в галоп, под пули в лоб —
и мир ударило в озноб
от этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
а мы летели вскачь — они за нами влет.
Расковывались кони — и горячие подковы
летели в пыль на счастье тем, кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
и спутаны и волосы и мысли на бегу,
а ветер дул и расправлял нам кудри
и распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони —
а время подскакало, и — фортуна улыбалась.
И сабли седоков скрестились
с солнечным лучом.
Седок — поэт, а конь — Пегас,
пожар померк, потом погас,
а скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра!
Копыта били дробь. Трезвонила капель.
Помешанная на крови, слепая пуля-дура
прозрела, поумнела вдруг — и чаще была в цель.

И кто кого — азартней перепляса,
и кто скорее — в этой скачке опоздавших нет,
а ветер дул, с костей сдувая мясо
и радуя прохладой скелет.

Удача впереди и исцеление больным —
впервые скачет время напрямую, не по кругу.
Обещанное завтра будет горьким и хмельным...
Легко скакать — врага видать,
и друга тоже... Благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вокруг пальца обернули,—
замешкалась она, забыв махнуть косой.
Уже не догоняли нас и отставали пули.
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?!

Пел ветер все печальней, глуше,
навывлет время ранено, досталось и судьбе.
Ветра и кони — и тела и души
убитых — выносили на себе.

О вкусах не спорят — есть тысяча мнений,
я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Эйнштейн — физический гений —
весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век,—
вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, все!

Набедренный пояс из шкуры пантеры.
О да, неприлично, согласен, ей-ей!
Но так одевались все дó нашей эры,
а дó нашей эры им было видней.

Оделся по моде, как в каменный век,—
вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, все!

Оденусь, как рыцарь я после турнира,—
знакомые вряд ли узнают меня.
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»

А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, все!

Вот трость, канотье — я из нэпа, похоже?
Не надо оваций, к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали — ну что же,
тогда я надену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки стек,—
и шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Будьте же бдительны —
все относительно!
Все-все, все!

СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА ИЛИ ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

*Шар огненный все просквозил,
Все перепек, перепалил,
И, как груженный лимузин,
За полдень он перевалил.
Но где-то там в зените был.
Он для того и плыл туда,
Другие головы кружил,
Сжигал другие города.*

Еще асфальт не растопило
И не позолотило крыш,
Еще светило солнце лишь
В одну худую светосилу,

Еще стыдились нищеты
Поля без востого, лес без тени,
Еще тумана лоскуты
Ложились сыростью в колени —

Но диск на тонкую черту
От горизонта отделило.
Меня же фраза посетила:
«Не ясен свет, пока светило
Лишь набирает высоту!»

Пока гигант еще на взлете,
Пока лишь начат марафон,
Пока он только устремлен
К зениту, к пику, к верхней
ноте,

И вряд ли астроном-старик
Определит: на солнце — буря.
Мы можем всласть глазеть
на лик,
Разинув рты и глаз не щуря.

Оно б затмилось и застыло,
Оно бы бег остановило
Внезапно, как стоп-кадр в кино.

Вон, наблюдая втихомолку
Сквозь закопченное стекло,
Когда особо припекло,
Один узрел на лице челку.

А там — другой пустился в пляс,
На солнечном кровоподтеке
Увидев щели узких глаз
И никотиновые щеки...

Взошла луна — вы крепко спите,
Для вас светило тоже спит,
Но где-нибудь оно в зените
(Круговорот, как ни пляшите)
И там палит, и там слепит!

ПЕСНЯ ПРО МАНГУСТОВ

«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —
человек в исступленье кричал,
и позвал на подмогу мангуста,
чтобы, значит, мангуст выручал.

И мангусты взялись за работу,
не щадя ни себя, ни родных,—
выходили они на охоту
без отгулов и без выходных.

И в пустынях, в степях и в пампасах
даже дали наказ патрулям —
игнорировать змей безопасных,
но сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь, сейчас будет грустно:
человек появился тайком —
и поставил силки на мангуста,
объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришел, с ним собака,—
и мангуста упрятал в мешок,—
а мангуст отбивался и плакал,
и кричал: «Я полезный зверек!»

Но зверьков в переломах и ранах
все швыряли в мешок, как грибы,—
одуревших от боли в капканах,
ну, и от поворота судьбы.

И гадали они: в чем же дело,
почему нас несут на убой?

И сказал им мангуст престарелый
с перебитой передней ногой:

«Козы в Бельгии съели капусту,
воробьи — рис в Китае с полей,
а в Австралии злые мангусты
истребили полезнейших змей!»

Это вовсе не дивное диво:
раньше были полезны, и вдруг —
оказалось, что слишком ретиво
истребляли мангусты гадюк!

Вот за это им вышла награда
от расчетливых этих людей.
Видно, люди не могут без яда,
ну, а значит, не могут без змей.

«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —
человек в исступленье кричал.
И позвал на подмогу мангуста,
чтобы, значит, мангуст выручал...

ПЕСНЯ О КОРОТКОМ СЧАСТЬЕ

Трубят рога: «Скорей, скорей!» —
и копошится свита.
Душа у ловчих без затей —
из жил воловьих свита.

Ну и забава у людей —
убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз,—
а эти лебеди как раз
сегодня повстречались.

Она жила под солнцем — там,
где синих звезд без счета,
куда под силу лебедем
высокого полета.

Вспари — и два крыла раскинь
в густую трепетную синь,
скользи по божьим склонам —
в такую высь, куда и впредь
возможно будет долететь
лишь ангелам и стонам.

Но он и там ее настиг —
и счастлив миг единый,—
но только был тот яркий миг
их песней лебединой.

Крылатым ангелам сродни,
к земле направились они —
опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,

следят охотники за тем,
чтоб счастье было кратко.

Вот оттирают пот со лба
виновники паденья:
сбылась последняя мольба —
остановись, мгновенье!

Так пелся этот вечный стих,
в пик лебединой песне их —
счастливец одночасья.
Они упали вниз вдвоем,
так и оставшись на седьмом,
на высшем небе счастья.

погоня

Во хмелю слегка
лесом правил я...
Не устал пока —
пел за здравие!
А умел я петь
песни вздорные:
«Как любил я вас,
очи черные!..»

То плелись, то неслись,
то трусили рысцей,
и болотную слизь
конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу
вместе с грязью слюну,
штофу горло скручу —
и опять затяну:

«Очи черные,
как любил я вас...»
Но прикончил я
то, что впрок припас.
Головой тряхнул,
чтоб слетела блажь
и вокруг взглянул —
и присвистнул аж:

лес стеной впереди —
не пускает стена,
кони прядут ушами,
назад подают...
Где просвет, где прогал —
не видать ни рожна!
Колют иглы меня,
до костей достают!

Коренной ты мой,
выручай же, брат!
Ты куда, родной,—
почему назад?!
Дождь — как яд с ветвей —
недобром пропах.
Пристяжной моей
волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак,
вот же налил глаза —
ведь погибель пришла,
а бежать не суметь.
Из колоды моей
утащили туза,
да такого туза,
без которого смерть.

Я ору волкам:
«Побери вас прах!..»
А коней пока
подгоняет страх.
Шевелю кнутом,
бью крученые
и пою притом:
«Очи черные...»

Храп, да топот, да лязг,
да лихой перепляс —
бубенцы плясовую
играют с дуги!
Ах вы, кони мои,
погублю же я вас,
выносите, друзья,
выносите, враги!..

От погони той
даже хмель иссяк,

мы на кряж крутой —
на одних осях, —
в хлопьях пены мы,
струи в кряж лились, —
отдышались, отхрипелись
да откашлялись.

Я лошадам забитым,
что не подвели,
поклонился в копыта
до самой земли,
сбросил с воза манатки,
повел в поводу...
Спаси бог вас, лошадки,
что целым иду.

...Сколько кануло,
сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня —
недокинула.
Может, спел про вас
неумело я,
очи черные,
скатерть белая?!

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

В заповеднике (вот в каком — забыл)
жил да был Козел — роги длинные.
Хоть с волками жил — не по-волчьи выл,
блеял песенки всё козлиные.

И пощипывал он травку, и нагуливал бока,
не услышишь от него худого слова.
Толку было с него, правда, как с козла — молока,
но вреда, однако, тоже никакого.

Жил на выпасе — возле озера,
не вторгаясь в чужие владения,
но заметили скромного козлика
и избрали в козлы отпущения!

Например, Медведь — баламут и плут —
обхамит кого-нибудь по-медвежьему —
враз Козла найдут, приведут и бьют:
по рогам ему и промеж ему...

Не противился он, серенький,
насилию со злом,
а сносил побои весело и гордо.
Сам Медведь сказал: «Ребята, я горжусь
Козлом —
героическая личность, козья морда!»

Берегли Козла, как наследника.
Вышло даже в лесу запрещение
с территории заповедника
отпускать Козла отпущения.

А Козел себе все скакал козлом,
но пошалить он стал втихомолочку:
как-то бороду завязал узлом —
из кустов назвал Волка сволочью.

А когда очередное отпущенье получал
(все за то, что волки лишку откусили),

он, как будто бы случайно, по-медвежьи зарычал,
но внимания тогда не обратили.

Пока хищники меж собой дрались,
в заповеднике крепло мнение,
что дороже всех медведей и лис —
дорогой Козел отпущения!

Услыхал Козел — да и стал таков:
«Эй, вы, бурые,— кричит,— светло-пегие!
Отниму у вас рацион волков
и медвежье привилегии.

Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу,
распишу туда-сюда по трафарету,
всех на роги намотаю и по кочкам разнесу,
и оставлю по всему по белу свету!

Не один из вас будет землю жрать,
все подохнете без прощения.
Отпускать грехи кому — это мне решать,
это я — Козел отпущения!»

В заповеднике (вот в каком — забыл)
правит бал Козел не по-прежнему:
он с волками жил — и по-волчьи взвыл,
и рычит теперь по-медвежьему.

А козлятушки-ребятки засучили рукава
и пошли шерстить волчишек в пух и клочья.
А чего теперь стесняться, если их глаза
от лесного Льва имеет полномочья.

Ощутил он вдруг остроту рогов
и козлиное вдохновение:
росомах и лис, медведей, волков —
превратил в козлов отпущения.

5

...в отличие
от многих моих собратьев,
которые пишут стихи,
я прежде всего актер
и часто играю
роли других людей,
часто бываю
в шкуре другого человека.
Возможно,
мне просто легче петь
из чьего-то образа,
поэтому всегда
так откровенно и говорю:
мне так удобнее петь —
от имени определенного человека,
определенного характера.
И вы всегда можете увидеть
этого человека;
возможно,
это и дает некоторым людям
повод спрашивать,
не скачал ли я когда-то
вместо лошади...
Нет, этого не было...

ПЕСНЯ КЭРРОЛЛА

Этот рассказ мы с загадки начнем —
даже Алиса ответит едва ли:
что остается от сказки потом —
после того, как ее рассказали?

Где, например, волшебный рожок,
добрая фея куда улетела?
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

Они не испаряются, они не растворяются,
рассказанные в сказке, промелькнувшие во сне.
В страну чудес волшебную они переселяются,
мы их, конечно, встретим в этой сказочной стране.

Много неясного в странной стране —
можно запутаться и заблудиться.
Даже мурашки бегут по спине,
если представить, что может случиться!

Вдруг будет пропасть — и нужен прыжок!
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

Добро и зло в стране чудес —
как и везде — встречаются,
но только здесь они живут на разных берегах.
Здесь по дорогам разные истории скитаются,
и бегают фантазии на тоненьких ногах.

Ну и последнее: хочется мне,
чтобы всегда меня вы узнавали.
Буду я птицей в волшебной стране,
«Птица Додо» меня дети прозвали.

Даже Алисе моей невдомек,
как упакуюсь я в птичье тело.
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

И не такие странности в стране чудес
встречаются,
в ней нет границ — не нужно плыть,
бежать или лететь
Попасть туда не сложно,
никому не запрещается,
в ней можно оказаться — стоит только
захотеть.

...Не обрывается сказка концом.
Помнишь, тебя мы спросили в начале:
что остается от сказки потом —
после того, как ее рассказали?

Может, не все, даже съев пирожок,
наша Алиса во сне разглядела.
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

И если кто-то снова вдруг проникнуть попытается
в страну чудес волшебную в красивом добром сне,
тот даже то, что кажется, что только
представляется,
найдет в своей загадочной и сказочной стране.

ПЕСНЯ АЛИСЫ

Я страшно скучаю, я просто без сил.
И мысли приходят, маня, беспокоя,
чтоб кто-то куда-то меня пригласил
и я там увидела что-то такое!..

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», — я сажусь и читаю,
«Поиграй», — ну, я с кошкой играю.
Все равно я ужасно скучаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
когда-нибудь, как-нибудь выйти из дома
и вдруг оказаться вверху, в глубине,
внутри и снаружи — где все по-другому.

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», — ну, я с кошкой играю,
«Поиграй», — я сажусь и читаю.
Все равно я ужасно скучаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Пусть дома поднимется переполох
и пусть наказание грозит — я согласна.
Глаза закрываю, считаю до трех...
Что будет, что будет! Волнуюсь ужасно.

Но что именно — право, не знаю.
Все смешалось в полуденный зной:
почитать? — я сажусь и играю,
поиграть? — ну, я с кошкой читаю.
Все равно я скучать ужасаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

ПАДЕНИЕ АЛИСЫ

Догонит ли в воздухе — или шалишь —
летучая кошка летучую мышь,
собака летучая — кошку летучую?
Зачем я себя этой глупостью мучаю?!

А раньше я думала, стоя над кручею:
ах, как бы мне сделаться тучей летучею!
Ну вот! Я и стала летучею тучею,
ну вот и решаю по этому случаю:

догонит ли в воздухе — или шалишь —
летучую кошку летучая мышь?..

В МОРЕ СЛЕЗ

Слезливое море вокруг разлилось,
и вот принимаю я слезную ванну.
Должно быть, по морю из собственных слез
плыву к Слезовитому я океану.

Растеряешься здесь поневоле —
со стихией одна на один!
Может, зря проходили мы в школе,
что моря — из поваренной соли...
Хоть бы льдина попалась мне, что ли,
или встретился добрый дельфин!..

ПЕСНЯ МЫШИ

Спасите! Спасите! О ужас, о ужас!
Я больше не вынырну, если нырну.
Немного проплаваю, чуть поднатужась,
но силы покинут — и я утону.

Вы мне по секрету ответить могли бы:
я — рыбная мышь или мышная рыба?
Я тихо лежала в уютной норе,
читала, мечтала и ела пюре.

И вдруг — это море около,
как будто кот заплакал.
Я в нем, как мышь, промокла,
продрогла, как собака.

Спасите! Спасите! Хочу я, как прежде,
в нору — на диван из сухих камышей!..
Здесь плавают девочки в верхней одежде,
которые очень не любят мышей.

И так от лодыжек дрожу до ладошек,
а мне говорят про терьеров и кошек.
А вдруг кошкелот на меня нападет,
решив по ошибке, что я мышелот!

Ну вот! Я зубами зацокала
от холода и страха.
Я здесь, как мышь, промокла,
продрогла, как собака.

**ПЕСНЯ ЛЯГУШОНКА ДЖИММИ
И ЯЩЕРКИ БИЛЛИ**

У Джимми и Билли всего в изобилье —
давай не зевай, сортируй, собирай!..
И Джимми и Билли давно позабыли,
когда собирали такой урожай.

И Джимми и Билли, конечно, решили
закапывать яблоки в поте лица.
Расстроенный Билли сказал: «Или-или!
Копай, чтоб закончилась путаница!»

И Джимми и Билли друг друга побили.
Ура! Караул! Закопай! Откопай!
Ан глядь — парники все вокруг подавили.
Хозяин, где яблоки? Ну-ка, решай!

У Джимми и Билли всего в изобилье —
давай не зевай, сортируй, собирай!..
И Джимми и Билли давно позабыли,
когда собирали такой урожай!

ПЕСНЯ ПОПУГАЯ

Послушайте все — ого-го, эге-гей! —
меня — попугая — пирата морей!
Родился я в тыща каком-то году
в банано-лиановой чаще.
Мой папа был папа-пугай какаду,
тогда еще не говорящий.

Но вскоре покинул я девственный лес:
взял в плен меня страшный Фернандо Кортес.
Он начал на бедного папу кричать,
а папа Фернанде не мог отвечать,
не мог — не умел — отвечать.

И чтоб отомстить, от зари до зари
учил я три слова, всего только три,
упрямо себя заставлял — повтори:
«Карамба!», «Коррида!», и «Черт побери!!!»

Послушайте все — ого-го, эге-гей! —
рассказ попугая — пирата морей!

Нас шторм на обратной дороге застиг,
мне было особенно трудно.
Английский фрегат под названием «бриг»
взял на абордаж наше судно.

Был бой рукопашный три ночи, два дня —
и злые пираты пленили меня.
Так начал я плавать на разных судах —
в районе экватора, в северных льдах...
На разных пиратских судах.

Давали мне кофе, какао, еду,
чтоб я их приветствовал:

«Хау ду ю ду!»

Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!» и «Черт поberi!!!»

Послушайте все — ого-го, эге-гей! —
меня — попугая — пирата морей!

Лет сто я проплавал пиратом, и что ж?
Какой-то матросик пропащий
продал меня в рабство за ломаный грош,
а я уже был — говорящий.

Турецкий пашá нож сломал пополам,
когда я сказал ему: «Пáша, салам!»
И просто кондрашкахватила пашú,
когда он узнал, что еще я пишу,
считаю, пою и пляшу.

Я Индию видел, Иран и Ирак.
Я — инди-и-видум — не попка-дурак.
(Так думают только одни дикари.)
Карамба! Коррида!! И — черт поberi!!!

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТИ

— Я Баба Яга,
 вот и вся недолгá.
Я езжу в намазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга:
люблю его... сваренным в супе.

Ох, надоело с метелкой гонять,
зелье я переварила.
Нет, чтой-то стала совсем изменять
наша нечистая сила!

— Добрый день, добрый тень!
 Я дак Оборотень,
неловко на днях обернулся:
хотел превратиться в дырявый плетень,
да вот посередке запнулся.

Кто я теперь — самому не понять,
эк меня, братцы, скривило!..
Нет, чтой-то стала нам всем изменять
наша нечистая сила!

— Я старый больной озорной Водяной,
но мне надоела квартира.
Лежу под корягой, простуженный, злой,
ведь в омуте мокро и сыро.

Вижу намедни — утопленник. Хвать!
А он меня пяткой по рылу...
Нет, перестали вконец уважать
нашу нечистую силу!

— Такие дела: Лешачиха со зла,
лишив меня лешевелюры,
вчера из дупла на мороз прогнала —
у ней с Водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать,
прост-таки гонят в могилу...
Нет, перестали совсем ублажать
нашу нечистую силу!

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ

Эй, народ честной, незадачливый!
Эй вы, купчики да служилый люд,
живо к городу поворачивай —
зря ли в колокол с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
позахвачены —
уйма всякого добра,
всякой всячины:
там точильные круги —
точат лясы,
там лихие сапоги —
самоплясы.

Тагарга-матагарга,
во столице ярмарка,
сказочно-реальная,
цветомузыкальная.

Богачи и голь перекатная,
покупатели все, однако, вы.
И хоть ярмарка не бесплатная,
все на ярмарке одинаковы.

За едою в закрома
спозараночка
скатерть сбегает сама —
самобраночка.
Кто не схочет есть и пить,
тем — изнанка:
их начнет сама бранить
самобранка.

Тагарга-матагарга,
во какая ярмарка:

праздничная, вольная,
белохлебосольная.

Вот и шапочки-невидимочки.
Кто наденет их — станет барином.
Леденцы во рту — словно льдиночки,
и жар-птица есть в виде жареном.

Прилетели год назад
Гуси-Лебеди,—
а теперь они лежат
на столе, гляди!
Эй, слезайте с облучка,
добры люди,
да из Белого Бычка
ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком —
с изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь — все хорошие,
скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие,—
смех и грех от них — все вповалочку.

По традиции, как встарь,—
вплавь и волоком
привезли царь-самовар,
как царь-колокол.
Скороварочный самовар,
он — на торфе,
вам на выбор сварит вар
или кофе.

Тагарга-матагарга,
удалая ярмарка,
с плясунами резвыми,
большой частью — трезвыми.

Вот Балда пришел, поработать чтоб:
без работы он киснет-квасится.
Тут как тут и Поп — толоконный лоб,
но Балда ему — кукиш с маслицем!

Разновесые весы —
проторгуешься!
В скороходики-часы —
не обуешься.
Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи и пурги —
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
что за чудо ярмарка —
звонкая, несонная,
нетрадиционная!

Вон Емелюшка щуку мнет в руке,
Щуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке —
слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка
без задорины —
все мы сказками слегка
объегорены.
Не скупись, не стой, народ,
за ценою.
Продается с цепью Кот —
с золотою!

Тагарга-матагарга,
упоенье — ярмарка —
общее, повальное,
эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животики,
кто отважится, разохотится
да на коврике-самолетике
не откажется, а прокотится.

Разрешите сделать вам
примечание:
никаких воздушных ям
и качания.
Ковролетчики вчера
ночь не спали —
пыль из этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
удалась ярмарка!
Тагарга-матагарга,
хорошо бы — надолго!

Здесь река течет — вся молочная,
берега на ней — сплошь кисельные.
Мы вобьем во дно сваи прочные,
запрудим ее — дело дельное.

Запрудили мы реку —
это плохо ли?!
На кисельном берегу
пляж отгрохали.
Но купаться нам пока
нету смысла,
потому — у нас река
вся прокисла.

Тагарга-матагарга,
не в обиде ярмарка —
хоть залейся нашею
кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожгем огнем,
распрявим хребты втрое сложенным,
меда хмельного до краев нальем
всем скучающим и скукоженным.

Много тыщ имеет кто —
тратьте тыщи те:
даже то — не знаю что —
здесь отыщите!

Коль на ярмарку пришли —
так гуляйте,
неразменные рубли —
разменяйте!

Тагарга-матагарга,
во какая ярмарка!
Подходи, подваливай,
сахари, присаливай!..

ПЕСНЯ МАРЬИ

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты,
что же не замолкла-то навсегда ты,
как забрали милого в рекруты, в рекруты,
как ушел твой суженый во солдаты?!

Я слезами горькими горницу вымою
и на годы долгие дверь закрою,
наклонюсь над озером ивою, ивою,
высмотрю, как в зеркале,— что с тобою.

Травушка-муравушка — сочная, мятная —
без тебя ломается, ветры дуют...
Долюшка солдатская — ратная, ратная:
что — как пули грудь твою не минуют?!

Тропочку глубокую протопчу по полю
и венок свой свадебный впрок совью,
дивну косу девичью — до полу, до полу —
сберегу для милого с проседью.

Вот возьму кольцо мое с белого блюда,
хоровод завертится — грустно в нем.
Пусть мое гадание сбудется, сбудется,
пусть вернется суженый вешним днем.

Пой, как прежде, весело, идучи к дому, ты,
тихим словом ласковым утешай.
А житье невестино — омуты, омуты...
Дождидает Марьюшка, поспешай!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я не в него ли?
Пусть над ним кружат черны вороны,
но он дорог мне и в неволе.

Пели веку испокон,
да прослышала сама я,
как в году невесть каком
стали вдруг одним цветком
два цветка — Иван-да-Марья.

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

Если в этот скорбный час
спустим рукава —
Соловей освищет нас,
и пойдет молва,
Дескать, силой царский трон
все скудней,
ел, мол, мало каши он, Евстигней.

Если кровь у кого горяча —
саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча
из естественной выхухоли.
Сей указ без обману-коварства,
за печатью, по форме точь-в-точь:
в бой — за восемь шестнадцатых царства
и за целую царскую дочь.
Да, за целую царскую дочь!

Торопись указ зачесть,
изданный не зря:
кто заступится за честь
батюшки-царя,
кто разбойника уймет —
Соловья,—
к государю попадет в сыновья!

ЧАСТУШКИ

Подходи, народ, смелее —
слушай, переспрашивай!
Мы споем про Евстигнея,
государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
как папаша Евстигней
дочь-царевну Аграфену
хочет сплавить поскорей.

Но не получается —
царевна не сплавляется.

Как-то ехал царь из леса,
весело, спокойненько,—
вдруг услышал свист балбеса
Соловья-разбойника.

С той поры царя корежит,
словно кость застряла в нем:
пальцы в рот себе заложит —
хочет свистнуть Соловьем!

Надо с этим бой начать,
а то начнет разбойничать.

**СЕРЕНАДА
СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА**

Выходи, я тебе посвящу серенаду!
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу, до упаду,
если муза меня посетит.

А пока еще только шутю и шалю,
я пока на себя не похож,
я обиду терплю,
но когда я вспылю,
я дворец подпилю,
подпалю,
развалю,
если ты на балкон не придешь.

Ты отвечай мне прямо, откровенно —
разбойничью душу не травми!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,—
послушать серенаду о любви!

Ей-ей-ей, трали-вали...
Кабы красна девица жила в полуподвале,
я б тогда на корточки
приседал у форточки,
мы бы до утра проворковали.

Во лесных кладовых моих уйма товара:
два уютных дупла, три пенечка гнилых...
Чем же я тебе, Груня, не пара,
чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю,
что ночами не сплю,
сохну с горя у всех на виду.
Вон и голос сорвал — и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю,
я себя погублю,
но тебя украду, уведу!

Я женихов твоих — через колена!
Я папе твоему попорчу кровь!
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
о, не губи разбойничью любовь!

Ей-ей-ей, трали-вали...
Кабы красна девица жила в полуподвале,
я б тогда на корточки
приседал у форточки,
мы бы до утра проворковали.

СВАДЕБНАЯ

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь,
звонкий колокол раскочегаривай!
Ты очнись, встрепенись, гармонист,
переливами щедро одаривай!

Мы беду навек спровадили,
в грудь ей вбили кол осиновый.
Перебор сегодня — свадебный,
звон над городом — малиновый.

Эй, гармошечка, дразни,
не спеши, подманивай.
Главный колокол, звони,
маленький — подзванивай.

Крикуны, певуны, плясуны!
Оглашенные, неугомонные!
Нынче пир, буйный пир на весь мир.
Все — желанные, все — приглашенные!

Как на ярмарочной площади
вы веселие обрящете,
там и горло прополощите,
там споете да попляшете.

Не серчай, а получай
чашу полновесную!
Подходи да привечай
жениха с невестою!

Топочи, хлопочи, хохочи!
Хороводы води развеселые!

По бокам, по углам — к старикам —
разойдись, недоёные, квелые!

Поздравляй, да с пониманием,
за застольною беседою —
со счастливым сочетанием
да с законною победою.

Наша свадьба — не конец
дельцу пустяковому:
делу добром — венец
да начало — новому!

БЕДА

Я несла свою Беду
по весеннему по льду.
Обломился лед — душа оборва́лася,
камнем под воду пошла,
а Беда — хоть тяжела,—
а за острые края задержалася.

И Беда с того вот дня
ищет по свету меня,
Слухи ходят — вместе с ней — с Кривотолками.
А что я не умерла,
знала голая ветла
и еще перепела с перепелками.

Кто ж из них сказал ему,
господину моему,—
только выдали меня, проболталися.
И, от страсти сам не свой,
он отправился за мной,
а за ним — Беда с Молвой увязалися.

Он настиг меня, догнал,
обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле Беда ухмылялася...
Но остаться он не мог —
был всего один денек,
а Беда — на вечный срок задержалася.

ПЕСНЯ ПРО НЕЧИСТЬ

В заповедных и дремучих
страшных Муромских лесах
всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
воет воем, что твои

упокройники...

Если есть там соловьи —

то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут,—
защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты конный, будь ты пеший —

заграбастают;

а уж лешие —

так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик — купец и воин —
попадал в дремучий лес —
кто за чем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чашу лез.

По причине попадали,

без причины ли,

только всех их и видали —

словно сгнули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,
где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят,
чтоб творить им совместное

зло потом,

поделиться приехали
опытом,
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
а от них был Змей трехглавый
и слуга его — Вампир.
Пили зелье в черепах,
ели бульники,
танцевали на гробах,
богохульники.
Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч влез на древо,
ну — раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок,
пусть покажут кой-чего,
пусть нам лешие попляшут,
попоют,
а не то я, мать вашу,
всех сгною!»
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
был не только лыком шит,—
гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
гад, заморский паразит,
убирайся без бою, уматывай
и Вампира с собою
прихватывай!»
Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
«Натерпелись — столько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
патриотки али нет?!

ПРО КОНЬКОБЕЖЦА
на короткие дистанции,
которого
заставили бегать
на длинную

Десять тысяч — и всего один забег
остался.
В это время наш Бескудников Олег
зазнался.
Я, мол, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул!
Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну:
пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол, на-
до, Федя,
главно дело — чтобы воля, говорит, была
к победе.
Воля волей, если сил невпроворот,—
а я увлекся:
я на десять тыщ рванул, как на пятьсот,—
и спекся!
Подвела меня — ведь я предупреждал! —
дыхалка:
пробежал всего два круга — и упал.
А жалко!
И наш тренер, экс- и вице-чемпион
ОРУДа,
не пускать меня велел на стадион,
иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке,
а сегодня он кричит: «Меняй коньки —
на санки!»
Жалко тренера, он тренер неплохой,
ну бог с ним!

Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом.
Не имею больше я на счет на свой
сомнений.
Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и — тренер.

ВРАТАРЬ

Л. Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе,
надрываются в восторге москвичи —
я спокойно прерываю передачи
и вытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает, —
репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной скушает —
он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
 вот мне бьют головой...
Я касаюсь —
 подают угловой.
Бьет десятый — дело в том,
что своим «сухим листом»
размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках — с ума трибуны сходят —
хоть десятый его ловко завернул.
У меня давно такие не проходят!..
Только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул.

Обернулся — голос слышу из-за фотокамер:
«Извини, но ты мне, парень, снимок запорол.
Что тебе — ну лишний раз потрогать мяч руками,
ну а я бы снял красивый гол».

Я хотел его послать —
 не пришлось:

еле-еле мяч достать
удалось.

Но едва успел привстать,
слышу снова: «Вот опять!
Все б ловить тебе, хватать, нё дал снять».

«Я, товарищ дорогой, все понимаю,
но культурно вас прошу: подите прочь!
Да, вам лучше, если хуже я играю,
но поверьте — я не в силах вам помочь».

Вот летит девятый номер с пушечным ударом,
репортер бормочет: «Слушай, дай ему забить!
Я бы всю семью твою всю жизнь
снимал задаром...» —
чуть не плачет парень. Как мне быть?

«Это все-таки футбол,—
говоря,—
нож по сердцу каждый гол —
вратарю». —

«Да я тебе как вратарю
лучший снимок подарю,
пропусти — а я отблагодарю!»

Гнусь, как ветка, от напора репортера,
неуверенно иду наперехват...
 Попрошу-ка потихонечку партнеров,
чтоб они ему разбили аппарат.

Ну, а он все ноет: «Это, друг, бесчеловечно.
Ты, конечно, можешь взять, но только извини:
это лишь момент, а фотография — навечно.
А ну не шевелись, потяни!»

Пятый номер в двадцать два —
знаменит.

Не бежит он, а едва
семенит.

В правый угол мяч, звеня,—
значит, в левый от меня —
залетает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра,
так что я не мог поделаться ничего...
Снимок дома у меня — два на три метра —
как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,
ведь теперь я думаю, когда беру мячи:
сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий!..
Стыд меня терзает, хоть кричи!

Искуситель, змей, палач!
Как мне жить?!

Так и тянет каждый мяч
пропустить.

Я весь матч борюсь с собой,
видно, жребий мой такой...
Так, спокойно, подают угловой...

ЧЕСТЬ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ

Подготовка

Я кричал: «Вы что там, обалдели,—
уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
«Вот прекрасно, ты и защитишь.»

Но учти, что Фишер очень ярок,
даже спит с доскою — сила в нем.
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок,
у меня в запасе ход конем.

Ох вы, мускулы стальные,
пальцы цепкие мои!
Эх, резные, расписные,
деревянные ладьи!

Друг мой, футболист, учил: «Не бойся,
он к таким партнерам не привык.
За тылы и центр не беспокойся,
а играй по краю — напрямик...»

Я налег на бег, на стометровки,
в бане вес согнал, отлично сплю,
были по хоккею тренировки..
В общем, после этой подготовки
я его без мата задавлю.

Ох, вы, сильные ладони,
мышцы крепкие спины!

Эх вы, кони мои, кони,
ах вы, милые слоны!

«Не спеши и, главное, не горбись,—
так боксер беседовал со мной,—
в ближний бой не лезь, работай в корпус,
помни, что коронный твой — прямой».

Честь короны шахматной — на карте!
Он от пораженья не уйдет:
мы сыграли с Талем десять партий —
в преферанс, в очко и на бильярде.
Таль сказал: «Такой не подведет».

Ох, рельеф мускулатуры,
мышцы крепкие спины!
Эх вы, легкие фигуры,
ах вы, кони да слоны!

И в буфете, для других закрытом,
повар успокоил: «Не робей!
Да с таким прекрасным аппетитом
ты проглотишь всех его коней!

Ты присядь перед дорогой дальней
и бери с питанием рюкзак,
на двоих готовь пирог пасхальный:
этот Шифер — хоть и гениальный,
а небось покушать не дурак!»

Будет тихо все и глухо,
а на всякий там цейтнот
существует сила духа
и красивый апперкот.

Не скажу, чтоб было без задорин,—
были анонимки и звонки.
Я всем этим только раззадорен,
только зачесались кулаки.

Напугали даже спозаранка:
«Шифер может левою ногой
с шахматной машиной Капабланка,
сам он вроде заводного танка...»
Ничего, я тоже заводной!

Ох мы — крепкие орешки!
Эх, корону привезем!
Спать ложусь я — вроде пешки,
просыпаюсь — ферзем!

Игра

Только прилетели — сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортеры налетели —
и слепят, и с толку сбить хотят.

Но меня и дома — кто положит?
Репортерам с ног меня не сбить!..
Мне же неумение поможет:
этот Шифер ни за что не сможет
угадать, чем буду я ходить.

Выпало ходить ему, задире.
Говорят, он белыми мастак.
Сделал ход с е-2 на е-4 —
что-то мне знакомое... Так-так!..

Ход за мной. Что делать?! Надо, Сева,—
наугад, как ночью по тайге...

Помню — всех главнее королева:
ходит взад-вперед и вправо-влево,
ну а кони — только буквой «Г».

Эх, спасибо заводскому другу —
научил, как ходят, как сдают...
Выяснилось позже — я с испугу
разыграл классический дебют!

Все гляжу, чтоб не было промашки,
вспоминаю повара в тоске.
Эх, сменить бы пешки на рюмашки,
сразу б прояснилось на доске!

У него ферзи, ладьи — фигуры!
И слоны опасны и сильны.
У меня же все фигуры — дуры:
королевы у меня и тўры,
офицеры — это ж не слоны!

Вижу, он нацеливает вилку —
хочет есть. И я бы съел ферзя...
Под такой бы закусь да — бутылку!
Но во время матча пить нельзя.

Я голодный, посудите сами:
здесь у них лишь кофе да омлет.
Клетки — как круги перед глазами,
королей я путаю с тузами
и с дебютом путаю дуплет.

Есть примета — вот я и рискую:
в первый раз должно мне повезти.
Я его замучу, зашахую —
мне бы только дамку провести!

Не мычу, не тѣлюсь, весь — как вата.
Надо что-то бить — уже пора!
Чем же бить? Ладьею — страшновато.
Справа в челюсть — вроде рановато,
неудобно — первая игра.

...Он мою защиту разрушает —
старую индийскую — в момент.
Это смутно мне напоминает
индо-пакистанский инцидент.

Только зря он шутит с нашим братом —
у меня есть мера, даже две:
если он меня прикончит матом,
я его — через бедро с захватом
или — ход конем — по голове!

Я еще чуток добавил прыти —
все не так уж сумрачно вблизи.
В мире шахмат пешка может выйти,
если тренируется,— в ферзи!

Шифер стал на хитрости пускаться:
встанет, пробежится и — назад,
предложил турами поменяться —
ну еще б ему не опасаться:
я же лежа жму сто пятьдесят!

Я его фигурку смерил оком,
и когда он объявил мне шах,
обнажил я бицепс ненароком,
даже снял для верности пиджак.

И мгновенно в зале стало тише,
он заметил, что я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек —
и хваленый пресловутый Фишер
тут же согласился на ничью.

ВЕС ВЗЯТ

В. Алексееву

Как спорт — поднятье тяжестей не ново
в истории народов и держав:
вы помните, как некий грек другого
поднял и бросил, чуть попридержав?

Как шею жертвы, круглый гриф сжимаю.
Овации услышу или свист?
Я от земли Антея отрываю,
как первый древнегреческий штангист.

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Такую неподъемную громаду
врагу не пожелаю своему.
Я подхожу к тяжелому снаряду
с тяжелым чувством: вдруг не подниму?!

Мы оба с ним как будто из металла,
но только он — действительно металл.
А я так долго шел до пьедестала,
что вмятины в помосте протоптал.

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Повержен враг на землю. Как красиво!
Но крик «Вес взят!» у многих на слуху.
Вес взят — прекрасно, но несправедливо:
ведь я внизу, а штанга наверху.

Такой триумф подобен пораженью,
а смысл победы до смешного прост:
все дело в том, чтоб, завершив движенье,
с размаху штангу бросить на помост!

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Он вверх ползет — чем дальше, тем безвольней,
мне напоследок мышцы рвет по швам.
И со своей высокой колокольни
мне зритель крикнул: «Брось его к чертям!»

Еще одно последнее мгновенье —
и брошен наземь мой железный бог!
...Я выполнял обычное движенье
с коротким, злым названием «рывок».

БЕГ ИНОХОДЦА

Я скачу, но я скачу иначе. —
по камням, по лужам, по росе...
Говорят: он иноходью скачет,
это значит — йначе, чем все.

Но наездник мой всегда на мне,
стременами лупит мне под дых.
Я согласен бегать в табуне,
но не под седлом и без узды!

Если не свободен нож от ножен,
он опасен меньше, чем игла.
Вот и я подседлан и стреножен,
рот мой разрывают удила.

Мне набили рань: на спине,
я дрожу боками у воды.
Я согласен бегать в табуне,
но не под седлом и без узды.

Мне сегодня предстоит бороться —
скачки! Я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца,
но не я — жокей на мне хрипит!

Он вонзает шпоры в ребра мне,
зубоскалят первые ряды...
Ох, как я бы бегап в табуне,
но не под седлом и без узды.

Пляшут, пляшут скакуны на старте,
друг на друга злобу затая,

в иступленье, в бешенстве, в азарте —
и роняют пену, как и я.

Мой наездник у трибун в цене,
крупный мастер верховой езды.
Ох, как я бы бегал в табуне,
но не под седлом и без узды!

Нет, не будут золотыми горы —
я последним цель пересеку:
я ему припомню эти шпоры,
засбою, отстану на скаку!..

Колокол! Жокей мой на коне,
он смеется в предвкушенье мзды...
Ох, как я бы бегал в табуне,
но не под седлом и без узды!

Что со мной, что делаю, как смею!..
Потакаю своему врагу!
Я собою просто не владею —
я прийти не первым не могу!

Что же делать остается мне?
Вышвырнуть жокея моего —
и бежать, как будто в табуне,—
под седлом, в узде, но — без него...

Я пришел, а он в хвосте плетется —
по камням, по лужам, по росе...
Я впервые не был иноходцем —
я стремился выиграть, как все!

6

Песни я пишу
 на разные сюжеты.
 У меня есть серии песен
 на военную тему, спортивные,
 сказочные, лирические.
 Циклы такие, точнее.
 А тема моих песен одна —
 жизнь.
 Тема одна —
 чтобы лучше жить было возможно,
 в какой бы форме
 это ни высказывалось —
 в комедийной,
 сказочной, шуточной.

И вкусы и запросы мои странны,
я экзотичен, мягко говоря:
могу одновременно грызть стаканы
и Шиллера читать без словаря.

Во мне два «Я», два полюса планеты,
два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты —
другой стремится прямо на бега!

Я лишнего и в мыслях не позволю,
когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
второе «Я» в обличье подлеца.

И я борюсь, давлю в себе мерзавца.
О, участь беспокойная моя!
Боюсь ошибки — может оказаться,
что я давлю не то второе «Я».

Когда в душе я раскрываю гранки
на тех местах, где искренность сама,—
тогда мне в долг дают официантки
и женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы,
но вот я груб, я нетерпим и зол.
Но вот сижусь и тупо ем бокалы,
забрасывая Шиллера под стол.

...А суд идет, весь зал мне смотрит в спину.
Вы, прокурор, вы, гражданин судья,

поверьте мне, не я разбил витрину,
а подлое мое второе «Я».

И я прошу вас: строго не судите,
лишь дайте срок (но не давайте срок!) —
я буду посещать суды как зритель
и к судьям заходить на огонек.

И я клянусь вам искренне, публично:
старания свои утрою я —
и поборю раздвоенную личность
и — не мое — мое второе «Я».

Я больше не намерен бить витрины
и лица граждан — так и запиши!
Я воссоединю две половины
моей больной, раздвоенной души.

Искореню, похороню, зарюю,
очищусь, ничего не скрою я!
Мне чуждо это «Я» мое второе...
Нет! Это не мое второе «Я».

ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА

— Ой! Вань! Смотри, какие клоуны!
Рот — хоть завязочки пришей...
Ой! До чего, Вань, размалеваны,
И голос, как у алкашей.
А тот похож — нет, правда, Вань,
На шурина,— такая ж пьянь.
Ну, нет, ты глянь, нет-нет, ты глянь,
Я правда,— Вань.

— Послушай, Зин, не трогай шурина,—
Какой ни есть, а он — родня.
Сама намазана, прокурена,
Гляди, дожدهшься у меня!
А чем болтать, взяла бы, Зин,
В антракт сгоняла в магазин.
Что? Не пойдешь! Ну я один.
Подвинься, Зин!

— Ой! Вань! Смотри, какие карлики! —
В «жерси» одеты, не в шевьет...
На нашей пятой швейной фабрике
Такое вряд ли кто пошьет!..
А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну, все друзья — такая рвань,
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь.

— Мои друзья хоть не в «болонии»,
Зато не тащат из семьи,
А гадость пьют из экономии,
Хоть поутру, да на свои.
А у тебя самой-то, Зин,
Приятель был с завода шин,
Так тот вообще хлебал бензин,
Ты вспомни, Зин!

— Ой, Вань, гляди-ка, попугайчики!
Нет! Я, ей-богу, закричу.

А это кто — в короткой маечке?
Я, Вань, такую же хочу.
В конце квартала, правда, Вань,
Ты мне такую же сваргань.
Ну, что «отстань», всегда «отстань»?
Обидно, Вань.

— Уж ты бы лучше помолчала бы!
Накрылась премия в квартал.
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты? Да я же их читал.
К тому же эту майку, Зин,
Тебе напяль — позор один,
Тебе шитья пойдет аршин,—
Где деньги, Зин?

— Ой, Вань! Умру от акробатиков!
Смотри! Как вертится, нахал!
Завцеха наш, товарищ Сатиков,
Недавно в клубе так скакал.

А ты придешь домой, Иван,
Поешь — и сразу на диван,
Или кричишь, когда не пьян.
Ты что, Иван?

— Ты, Зин, на грубость нарываешься!
Все, Зин, обидеть норовишь!
Тут за день так накувыркаешься,
Придешь домой — там ты сидишь!
Ну, и меня, конечно, Зин,
Все время тянет в магазин,
А там друзья, ведь я же, Зин,
Не пью один.

МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ

Считай по-нашему, мы выпили не много.
Не вру, ей-богу! Скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок,
то что б нам было с пяти бутылок!..

...Вторую пили близ прилавка в закуточке.
Но это были еще цветочки.
Потом в скверу, где детские грибочки.
Потом... не помню — дошел до точки.

Я пил из горлышка с устатку и не евши,
но как стекло был — остекленевший...
Ну, а когда коляска подкатила,
тогда в нас было — семьсот на рыло!

Мы, правда, третьего насильно затащили.
Но тут промашка — переборщили!
А что очки товарищу разбили —
так то портвейном усугубили.

Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймись,
что не буяньте, что разойдитесь.
На «разойтись» я сразу ж согласился —
и разошелся, и расходился.

Но если я кого ругал — карайте строго!
Но это — вряд ли! Скажи, Серега!
А что упал — так то от помутнения,
орал не с горя — от отупенья.

...Теперь дозвоьте пару слов без протокола.
Чему нас учит семья и школа?

Что жизнь сама таких накажет строго.
Тут мы согласны. Скажи, Серега!

Вот он проснется утром и, конечно, скажет.
Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет!
Так отпустите,— вам же легче будет:
чего возиться, раз жизнь осудит!

Вы не глядите, что Сережа все кивает,—
он соображает, все понимает!
А что молчит — так это от волненья,
от осознания и просветленья.

Не запирайте, люди,— плачут дома детки,
ему же в Химки, а мне в Медведки!..
Да, все равно: автобусы не ходят,
метро закрыто, в такси не содят.

Приятно все-таки, что нас тут уважают,
гляди, подвозят, гляди, сажают.
Разбудит утром не петух, прокукарекав,
сержант поднимет — как человеків!

Нас чуть не с музыкой проводят, как проспимся.
Я рупь заначил! Слышь, Сергей,— опохмелимся!
И все же, брат, трудна у нас дорога!
Эх, бедолага! Ну спи, Серега!..

Не берись, коль не умеешь,
не умеючи — не трожь.
Не подмажешь — не поедешь,
а подмажешь — упадешь.

Эх, недаром говорится:
мастер дела не боится.
А боится дело это
Ваню — мастера паркета.

Посередке всей эпохи
ты на щетках попляши.
С женским полом шутки плохи,
а с натертым хороши!

Говорят, не нужно скоро
будет званье полотера.
В наше время это мненье —
роковое заблужденье.

Даже в этой пятилетке
на полу играют детки,
проливают детки слезы
от какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,
пусть играют в юлу
на натертом на паркете —
на надраенном полу.

ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА

Мой сосед объездил весь Союз.
Что-то ищет, а чего — не видно.
Я в дела чужие не суюсь,
но мне очень больно и обидно.

У него на окнах плюш и шелк.
Клава его шастает в халате.
Я б в Москве с киркой уран нашел
при такой повышенной зарплате.

И сдается мне, что люди врут,—
он нарочно ничего не ищет.
Для чего? — ведь денежки идут,
ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
головой упал у нашей двери —
и разбил нарочно мой графин,
я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, рубль — а мне пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку.
Я ведь не из зависти, я так —
ради справедливости, и только.

...Ничего, я им создам уют —
живо он квартиру обменяет.
У них денег — куры не клюют,
а у нас на водку не хватает.

ПЕСНЯ АВТОМОБИЛИСТА

Отбросив прочь свой деревянный посох,
упав на снег и полежав ничком,
я встал — и сел в «погибель на колесах»,
презрев передвижение пешком.

Я не предполагал играть с судьбою,
не собирался спирт в огонь подлить,
я просто этой быстрою ездою
намеревался жизнь себе продлить.

Подошвами своих спортивных «чешек»
топтал я прежде тропы и полы,—
и был неуязвим я для насмешек,
и был недосыгаем для хулы.

Но я в другие перешел разряды,—
меня не примут в общую кадриль.
Я еду, я ловлю косые взгляды
и на меня, и на автомобиль.

Прервав общенье и рукопожатья,
отворотилась прочь моя среда.
Но кончилось глухое неприятье —
и началась открытая вражда.

Я в мир вкатился, чуждый нам по духу,
все правила движения поправ.
Орудовцы мне робко жали руку,
вручая две квитанции на штраф.

Я во вражду включился постепенно,
я утром зрел плоды ночных атак:

морским узлом завязана антенна...
То был намек: с тобою будет так!

Прокравшись огородами, полями,
вонзили шило в шины, как кинжал.
Я ж отбивался целый день рублями,
и не сдавался, и в боях мужал.

Безлунными ночами я нередко
противника в засаде поджидал,
но у него поставлена разведка,
и он в засаду мне не попадал.

И вот — как «языка» — бесшумно сняли
передний мост и унесли во тьму.
Передний мост!.. Казалось бы — детали...
Но без него и задний ни к чему.

Я доставал мосты, рули, колеса...
Не за глаза красивые — за мзду.
Но понял я: не одолеть колосса.
Назад — пока машина на ходу!

Назад, к моим нетленным пешеходам!
Пусти назад, о, отворись, сезам!
Назад, в метро — к подземным переходам!
Назад, руль влево и — по тормозам!

Восстану я из праха, вновь обыден,
и улыбнусь, выплевывая пыль.
Теперь народом я не ненавижу
за то, что у меня автомобиль!

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты
даже в самой невинной игре,
не давай заглянуть в свои карты
и до срока не сбрось козырей.

Отключи посторонние звуки
и следи, чтоб не прятал глаза,
чтоб держал он на скатерти руки
и не смог передернуть туза.

Никогда не тянись за деньгами.
Если ж ты, проигравши, поник —
как у Пушкина в «Пиковой даме»,—
ты останешься с дамою пик.

Если ж ты у судьбы не в любимцах,—
сбрось очки и закончи на том.
Крикни: — Карты на стол, проходимцы! —
и уйди с отрешенным лицом.

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

В ресторане по стенкам висят тут и там
«Три медведя», «Заколотый витязь»...

За столом одиноко сидит капитан.

— Разрешите? — спросил я.

— Садитесь.

— Закури.

— Извините, «Казбек» не курю.

— Ладно, выпей. Давай-ка посуду.

Да пока принесут... Пей, кому говорю!

Будь здоров!

— Обязательно буду.

— Ну, так что же, — сказал, захмелев, капитан, —
водку пьешь ты красиво, однако.

А видал ты вблизи пулемет или танк,

а ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был старшиной,
за моею спиною такое...

Много всякого, брат, за моею спиной,
чтоб жилось тебе, парень, спокойно...

Он ругался и пил, он спросил про отца,
и кричал он, уставясь на блюдо:

«Я полжизни отдал за тебя, подлеца,

а ты жизнь прожигаешь, паскуда.

А винтовку тебе? А послать тебя в бой?!

А ты водку тут хлещешь со мною!..»

Я сидел, как в окопе под Курской дугой, —
там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел. Я — за ним по пятам.

Только в самом конце разговора.

я обидел его — я сказал: «Капитан,

никогда ты не будешь майором!»

Марине Влади

Я все чаще думаю о судьях.
Я такого не предполагал.
Если обниму ее при людях —
Будет политический скандал.

Будет тон в печати комедийный,—
Я представлен буду чудаком:
Начал целоваться с беспартийной,
А теперь целуюсь с вожаком!

Трубачи, валяйте, дуйте в трубы!
Я еще не сломлен и не сник.
Я в ее лице целую в губы
Общество «Франс — Юньон Советик».

Я вам расскажу про то, что будет,
Я такие вам открою дали...
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.

Возвратятся на свои на круги
Ураганы поздно или рано,
И, как сырмятные подпруги,
Льды затянут брюхо океану.

Словно наговоры и наветы,
Землю обволакивают вьюги.
Дуют, дуют северные ветры,
Превращаясь в южные на юге.

Упадут огромной силы токи
Со стальной коломенской версты,
И высоковольтные потоки
Станут током низкой частоты.

И завьются бесом у антенны,
И, пройдя сквозь омы — на реле,
До того ослабнут постепенно,
Что лови их стрелкой на шкале!

В скрипе, стуке, скрежете и гуде
Слышно, как клевещут и судачат.
Если плачут северные люди —
Значит, скоро южные заплачут.

И тогда не орды чингизханов,
И не сабель звон, не конский
топот, —

Миллиарды выпитых стаканов
Эту землю грешную затопят.

Что бог, мол, с ними, с генами! Бог с ними,
с хромосомами!
Мы славно поработали и славно отдохнем.

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!
Ведь лягут в землю общую останки наши бренные,
Земле — ей все едино: апатиты и навоз.

Автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с сольюй ее намять!

Так приезжайте, милые, рядами и колоннами.
Хотя вы все там химики и нет на вас креста,
Но вы же там задóхнетесь
за синхрофазотронами —
А здесь места отменные, воздушные места!

Товарищи ученые! Не сумлевайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится — ну, там,
не тот аффект,—
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект.

Автобусом к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с сольюй ее намять!

ПРО ГЛУПЦОВ

Этот шум — не начало конца,
Не повторная гибель Помпеи.
Спор вели три великих глупца —
Кто из них, из великих, глупее.

Первый выл: — Я физически глуп! —
Руки вздел, словно вылез
на клирос,—
У меня даже мудрости зуб,
Невзирая на возраст, не вырос!

Но не приняли это в расчет,
Даже умному это негоже.
Ах, подумаешь,— зуб не растет!
Так другое растет — ну и что же?

К синяку прижимая пятак,
Встрял другой: — Полно вам,
загалдели!
Я способен все видеть не так,
Как оно существует на деле.

Эх! Нашел чем хвалиться,
простак! —
Недостатком всего поколения.
И, к тому же, все видеть не так —
Доказательство слабого зренья.

Третий был непреложен и груб,
Рвал лицо на себе, лез из платья:
— Я — единственный подлинно
глуп,
Ни про что не имею понятия.

Долго спорили — дни, месяца,
Но у всех аргументы убоги.
И пошли три великих глупца
Глупым шагом по глупой дороге.

Вот и берег, дороге конец.
Откатив на обочину бочку,
Жил в ней самый великий мудрец,—
Мудрецам хорошо в одиночку.

Молвил он подступившим к нему,—
Дескать, знаю — зачем, кто
такие.

Одного только я не пойму:
Для чего это вам, дорогие!

Или, может, вам нечего есть?
Или мало друг дружку побили?
Не кажитесь глупее, чем есть,
Оставайтесь такими, как были.

Стоит только не спорить о том,
Кто главней,— уживетесь отлично.
Покуражьтесь еще, а потом,
Так и быть, приходите вторично.

Он залез в свою бочку с торца,
Жутко умный, седой и лохматый.
И ушли три великих глупца —
Глупый, глупенький и глуповатый.

Удаляясь, ворчали в сердцах:
— Стар мудрец, никакого сомненья!
Мир стоит на великих глупцах,
Зря не выказал старый почтенья.

Потревожат вторично его,—
Темной ночью попросят:
— Вылазьте!

Все бы это еще ничего,
Но глупцы состояли при власти.

И у сказки бывает конец,
Больше нет на обочине бочки,—
В «одиночку» отправлен мудрец.
Хорошо ли ему в «одиночке»?

МОСКВА — ОДЕССА

В который раз лечу Москва — Одесса...

Опять не выпускают самолет.

А вот прошла вся в синем стюардесса,

как принцесса,

надежная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском ни туч, ни облаков,

и хоть сейчас лети до Ашхабада.

Открыты Киев, Харьков, Кишинев,

и Львов открыт, но мне туда не надо.

Сказали мне: «Сегодня не надейся,

не стоит уповать на небеса».

И вот опять дают задержку рейса на Одессу,

теперь — обледенела полоса.

А в Ленинграде — с крыши потекло!

И что мне не лететь до Ленинграда?!

В Тбилиси — там все ясно, там тепло,

там чай растет, но мне туда не надо.

Я слышу: «Ростовчане вылетают!»

А мне в Одессу надо позарез,

но надо мне туда, куда меня не принимают,—

и потому откладывают рейс.

Мне надо, где сугробы намело,

где завтра ожидают снегопада!

А где-нибудь все ясно и светло,

там хорошо, но мне туда не надо.

Отсюда не пускают, а туда не принимают,—

несправедливо, муторно, но вот

нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
похожая на весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
в который не заманят и награды!
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт, но мне туда не надо.

Взлетим мы, распогодится — теперь запреты
снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин..
Но я уже не верю ни во что, меня не примут —
у них найдется множество причин.

Мне надо, где метели и туман,
где завтра ожидают снегопада!..
Открыты Лондон, Дели, Магадан,
открыто все, но мне туда не надо.

Я прав: хоть плачь, хоть смейся,
но опять задержка рейса —
и нас обратно к прошлому ведет
вся стройная, как ТУ, та стюардесса мисс Одесса,
доступная, как весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми —
и граждане покорно засыпают.
Мне это надоело, черт возьми,
и я лечу туда, где принимают!..

Я все вопросы освещу сполна,
дам любопытству удовлетворенье.
Да! У меня француженка жена —
но русского она происхождения!

Нет! У меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет! Живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна —
как на духу попу в исповедальне!
В блокноты ваши капает слюна —
вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есть! Вот густо покраснел
интервьюер: «Вы изменяли женам?»
Как будто за портьеру подсмотрел
иль под кровать залег с магнитофоном.

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголочке,
спросил: «А что имели вы в виду
в такой-то песне и в такой-то строчке?»

Ответ: «Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет — не суетитесь!
А что имел в виду — то написал:
вот, вывернул карманы — убедитесь!»

Нет меня, я покинул Расею!
Мои девочки ходят в соплях.
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.

Кто-то вякнул в трамвае
на Пресне:
— Нет его, умотал, наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский
дворец!

Слышу сзади обмен новостями:
— Да не тот, тот уехал —
спроси...
— Ах, не тот? — и толкают
локтями,
И сидят на коленях в такси.

А с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской
войне,
Говорит, что пишу ему: — Ваня,
Я в Париже. Давай, брат, ко мне!

Я уже попросился обратно,
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернусь, вероятно,
Потому что и не уезжал.

Кто поверил — тому по подарку,
Чтоб хороший конец, как в кино,—
Забирай Триумфальную арку!
Налетай на заводы Рено!

Я смеюсь, умираю от смеха.
Как поверили этому бреду?
Не волнуйтесь — я не уехал.
И не надейтесь — я не уеду!

7

Вот ты работаешь,
сидишь ночью...
Кто-то пошепчет тебе...
написал строку...
вымучиваешь...
Потом песня с тобой —
иногда она мучает месяца по два.
Когда «Охоту на волков» писал —
она меня замучила.
Мне ночью снился — один припев.
Я не знал, что буду писать.
Два месяца звучало только:
«Идет охота на волков,
идет охота...»
И вот если
на две чаши весов бросить —
на одну чашу все,
что делаю помимо песни,—
это кино, театр, выступления,
радио, телевидение
и так далее,
а на другую —
только работу над песнями,
то, думаю, песня перевесит.
Потому что она
все время с тобой живет,
не дает возможности спокойно,
так сказать, откинувшись
где-нибудь, отдыхать.
Она все время тебя гложет,
пока ты ее не напишешь...

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Час зачатья я помню неточно,
Значит, память моя — однобока.
Но зачат я был ночью — порочно
И явился на свет не до срока.

Я рождался не в муках, не в злобе —
Девять месяцев, это не лет...
Первый срок отбывал я в утробе,
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали

В те времена укромные,
Теперь почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.

Их брали в ночь зачатия,
А многих даже ранее.
А вот живет же братия,
Моя честна компания.

Ходу! Думушки резвые, ходу!
Слова, строченьки милые, слова!
Первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

Знать бы мне, кто так долго мурыжил —
Отыгрался бы на подлеце!

Но родился, и жил я, и выжил —
Дом на Первой Мещанской, в конце.

Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

Все жили вровень, скромно так,
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.

Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она, копеечка.

Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я — здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу.

Да, не все то, что сверху, — от Бога.
И народ зажигалки тушил,
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кириллыча,
И Гисю Моисеевну.

Она ему: — Как сыновья?
— Да без вести пропавшие!
Эх, Гиська, мы одна семья,
Вы тоже пострадавшие,

Вы — тоже пострадавшие.
А значит, обрусевшие:
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие.

Я ушел от пеленок и сосок,
Поживал, не забыт, не заброшен.
И дразнили меня: — Недоносок!
Хоть и был я нормально доношен.

Маскировку пытался срывать я.
— Пленных гонят! Чего ж мы дрожим?
Возвращались отцы наши, братья
По домам. По своим да чужим.

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия.
Пришла страна Лимония,
Сплошная чемодания.

Взял у отца на станции
Погоны, словно цацки, я.
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Осмотрелись они, оклемались.
Похмелились — потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались.
Недождавшиеся — отревели.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили: — Зачем? — он в ответ:

— Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели выводят на свет.

Пророчество папашино
Не слушал Витька с корешом.
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушел.

Да он всегда был спорщиком.
Припрут к стене — откажется.
Прошел он коридорчиком,
И кончил стенкой, кажется.

Но у отцов свои умы,
А что до нас касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Все, от нас до почти годовалых,
Толковище вели до кровянки.
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле.
В ремеслухе живи да тужи.
Ни дерзнуть, ни рискнуть — но рискнули
Из напильников делать ножи,—

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие
Трехцветные, наборные.

Вели дела обменные
Сопливые острожники.
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Сперва играли в фантики,
В пристенок с крохоборами.
И вот ушли романтики
Из подворотен ворами...

Было время — и были подвалы.
Было дело — и цены снижали,
И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров
Вниз сподручней им было, чем ввысь.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь.
И растворилась в воздухе до срока,
а срока было — сорок сороков...

И чудаки еще такие есть —
вдыхают полной грудью эту смесь,
и ни наград не ждут, ни наказанья,
и, думая, что дышат просто так,—
они внезапно попадают в такт
такого же неровного дыханья.

Только чувству, словно кораблю,
долго оставаться на плаву,
прежде чем узнать, что «я люблю» —
то же, что «дышу» или «живу».

И вдоволь будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих — для испытаний —
все строже станет спрашивать она:
потребуется разлук и расстояний,
лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
они уже согласны заплатить
любой ценой — и жизнью бы рискнули,—
чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
волшебную невидимую нить,
которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
с ног сбивал, из мертвых воскрешал,
потому что, если не любил,—
значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
не докричишься — сколько не зови...
Им счет ведут молва и пустословье,
но этот счет замешен на крови...
А мы поставим свечи в изголовье
погибших от невиданной любви...

Их голосам — всегда сливаться в такт,
и душам их дано бродить в цветах,
и вечностью дышать в одно дыханье,
и встретиться — со вздохом на устах —
на хрупких переправах и мостах,
на узких перекрестках мирозданья.

Я поля влюбленным постелю —
пусть поют о сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Все года, и века, и эпохи подряд
все стремится к теплу от морозов и выюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончится лед —
и найдут они счастье птичье,
как награду за дерзкий полет.

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянья пока наблюдать не пришлось,
это редко бывает — сиянья в цене!

Тишина. Только чайки — как молнии...
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградою нам за безмолвие
обязательно будет звук!

Как давно снятся нам только белые сны,
все иные оттенки снега заменил.
Мы ослепли давно от такой белизны,
но прозреем от черной полоски земли.

Наше горло отпустит молчание,
наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья —
будет вечный полярный день.

Север. Воля. Надежда. Страна без границ.
Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключет глаз из глазниц,
потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
в снег не лег ни на миг отдохнуть,
тем наградою за одиночество
должен встретиться кто-нибудь.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Долго же шел ты, в конверте листок,—
вышли последние сроки!..
Но потому он и Дальний Восток,
что далеко на востоке.

Ждешь с нетерпеньем ответ ты —
весточку в несколько слов..
Мы здесь встречаем рассветы
раньше на восемь часов.

Здесь до утра пароходы ревут
среди океанской шумихи.
Не потому его Тихим зовут,
что он действительно тихий.

Ты не пугайся рассказов о том,
будто здесь самый край света:
сзади еще Сахалин, а потом —
круглая наша планета.

Что говорить — здесь, конечно, не рай,—
но невозможность переписка!
Знаешь что, милая, ты приезжай:
Дальний Восток — это близко.

Скоро получишь ответ ты —
весточку в несколько слов..
Вместе бы встретить рассветы
раньше на восемь часов.

Марине Влади

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно...

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели...

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света,
И думаешь ты, что прекраснее нет,
чем лес заколдованный этот!

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре,—
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море...

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно...
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно...

Украду, если кража тебе по душе,—
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!

День-деньской я с тобой, за тобой —
будто только одна забота,
будто выследил главное что-то —
то, что снимет тоску как рукой.

Это глупо — ведь кто я такой?!
Ждать меня — никакого резона,
тебе нужен другой и — покой,
а со мной — беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет — в чем секрет?!
Может, я невезучий — не знаю!
Как бродяга, гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
видно, сколько шагов — столько бед.
Вот узнаю, в чем дело, — покаюсь.

Запомню, оставлю в душе этот вечер. —
не встречу с друзьями, не праздничный стол:
сегодня я сам — самый главный диспетчер,
и стрелки сегодня я сам перевел.

И пусть отправляю составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах, —
мои поезда не вернутся пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Свое я отъездил, и даже сверх нормы.
Стою, вспоминаю, сжимая флажок,
как мимо меня проносились платформы
и реки — с мостами, которые сжег.

Теперь отправляю составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах, —
мои поезда не вернутся пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Они без меня понесутся по миру —
я рук не ломаю, навзрыд не кричу.
И мне не навяжут чужих пассажиров —
сажаю в свой поезд, кого захочу.

Итак, я отправил составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах, —
мои поезда не вернутся пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Растаяли льды, километры и годы —
мой первый состав возвратился назад.
Он мне не привез драгоценной породы,
но он возвратился, и рельсы гудят.

Давай постоим и немного остынем —
я вижу, в пути ты не встретил реки.
Я сам не поехал с тобой по пустыням —
и вот мой оазис убили пески.

РОМАНС

Она была чиста, как снег зимой.
В грязь соболя! Иди по ним — по праву...
Но вот мне руки жжет ее письмо,
я узнаю мучительную правду.

Не ведал я: страданье — только маска,
и маскарад закончится сейчас.
На этот раз я потерпел фиаско,—
надеюсь, это был последний раз.

Подумал я: дни сочтены мои,
дурная кровь в мои проникла вены.
Я сжал письмо, как голову змеи,—
сквозь пальцы просочился яд измены.

Не ведать мне страданий и агоний,
мне встречный ветер слезы оботрет,
моих коней обида не нагонит,
моих следов метель не заметет.

Итак, я оставляю позади,
под этим серым неприглядным небом,
дурман фиалок, наготу гвоздик
и слезы вперемешку с талым снегом.

Москва слезам не верит и слезинкам —
и не намерен больше я рыдать.
Спешу навстречу новым поединкам
и, как всегда, намерен побеждать!

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу,
 Наверно, я погиб: робею, а потом —
 куда мне до нее, она была в Париже,
 и я вчера узнал — не только в нем одном.

Какие песни пел я ей про Север дальний!
 Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на «ты»,
 но я напрасно пел о полосе нейтральной —
 ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
 «Про счетчик», «Про того, кто раньше
 с нею был»...
 Но что ей до меня: она была в Париже —
 ей сам Марсель Марсо чего-то говорил.

Я бросил свой завод — хоть, в общем,
 был не вправе,—
 засел за словари на совесть и на страх...
 Но что ей до того: она уже в Варшаве —
 мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Проше, пани,
 прими таким, как есть, не буду
 больше петь...»
 Но что ей до меня: она уже в Иране,—
 я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Ведь она сегодня здесь, а завтра
 будет в Осло.
 Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
 Кто раньше с нею был и тот,
 кто будет после,—
 пусть пробуют они, я лучше пережду.

Мне каждый вечер зажигает свечи,
и образ твой окуривает дым.
И не хочу я знать, что время лечит,
что все проходит вместе с ним.

Теперь я не избавлюсь от покоя:
ведь все, что было на душе — на год вперед,
не ведая, она взяла с собою —
сначала в порт, а после — в самолет...

В душе моей — пустынная пустыня.
Так что стоите над пустой моей душой?!
Обрывки песен там и паутина.
А остальное все она взяла с собой.

В моей душе все цели без дороги,
поройтесь в ней — и вы найдете лишь
две полужазаы, полудиалоги,
а остальное — Франция, Париж...

И пусть мне вечер зажигает свечи,
и образ твой окуривает дым...
Но не хочу я знать, что время лечит,
что все проходит вместе с ним.

Люблю тебя сейчас
не тайно — напоказ.
Не «после» и не «до» в лучах твоих стораю.
Навзрыд или смеясь,
но я люблю сейчас,
а в прошлом — не хочу, а в будущем — не знаю.

В прошедшем «Я любил» —
печальнее могил,
все нежное во мне бескрылит и стреножит.
Хотя поэт поэтов говорил:
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Так говорят о брошенном, отцветшем —
и в этом жалость есть и снисходительность,
как к свергнутому с трона королю.
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
стремленье, где утеряна стремительность,
и как бы недоверье к «Я люблю».

Люблю тебя теперь —
без пятен, без потерь.
Мой век стоит сейчас — я вен не перережу!
Во время, в продолжение «теперь» —
я прошлым не дышу и будущим не брежу.

Приду и вброд и вплавь
к тебе — хоть обезглавь! —
с цепями на ногах и с гирями по пуду.
Ты только по ошибке не заставь,
чтоб после «Я люблю» добавил я «и буду».

Есть горечь в этом «буду», как ни странно,
подделанная подпись, червоточина

и лаз для отступленья про запас,
бесцветный яд на самом дне стакана
и, словно настоящему пощечина,—
сомненье в том, что «Я люблю» — сейчас.

Смотрю французский сон
с обилием времен,
где в будущем — не так, и в прошлом —
по-другому.

К позорному столбу я пригвожден,
к барьеру вызван я — языковому.

Ах — разность в языках!
Не положенье — крах!
Но выход мы вдвоем поищем — и обрящем!
Люблю тебя и в прошлых временах —
и в будущем, и в прошлом настоящем!

Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно — видим только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь один — туда, куда толпа.

И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идет по замкнутому кругу...
И круг велик, и сбит ориентир.

Течет

под дождь попавшая палитра,
Врываются галопы в полонез,
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.

Нище безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервет.

Не есть ли это — вечное движенье,
Тот самый бесконечный путь вперед?

Я скачу позади на полслова
На нерезвом коне, без щита.
Я похож не на ратника злого,
А скорее — на злого шута.

Бывало, вырывался я на корпус
Уверенно, как сам великий князь,
Клонясь вперед,— не падая,
не горбясь,
А именно — намеренно клонясь.

Но из седла меня однажды
выбили —
Копьем поддели, сбоку
подскакав,—
И надо мной, лежащим, лошадь
вздыбили,
И надругались, плетью приласкав.

Рядом всадники с гиканьем диким
Копья целили в м'есиво тел.
Ах, дурак я, что с князем
великим
Поравняться в осанке хотел!

Меня на поле битвы не ищите,
Я отстранен от всяких
ратных дел.
Кольчугу унесли — я беззащитен
Для зуботычин, дротиков и стрел.

Зазубрен мой топор и руки
скручены.

Я брошен в хлев вонючий
на настил,
Пожизненно до битвы
недопущенный
За то, что раз бестактность
допустил.

Назван я перед ратью
двуликим —
И топтать меня можно, и сечь.
Но взойдет и над князем великим
Окровавленный кованый меч!

Встаю я, отряхаюсь от навоза,
Худые руки сторожу кручу,
Беру коня плохого из обоза,
Кромсаю ребра —
и вперед скачу!..

Влечу я в битву звонкую
да манкую —
Я не могу, чтоб это без меня,—
И поступлюсь я княжеской
осанкою,
И если надо — то сойду с коня!

Штормит весь вечер, а пока
Заплаты пенные латают
Разорванные швы песка,
Я наблюдаю свысока,
Как волны головы ломают.

И я сочувствую — слегка —
Погибшим, но издалека.

Я слышу хрип и смертный стон,
И ярость, что не уцелели.
Еще бы! Взять такой разгон,
Набраться сил, пробить заслон —
И голову сломать у цели!

И я сочувствую — слегка —
Погибшим, но издалека.

Ах, гривы белые судьбы!
Пред смертью, словно хорошея,
По зову боевой трубы
Взлетают волны на дыбы,
Ломают выгнутые шеи.

И мы сочувствуем — слегка —
Погибшим, им, издалека.

А ветер снова в гребни бьет
И гривы пенные ерошит.
Волна барьера не возьмет,
Ей кто-то ноги подсечет —
И рухнет взмылекая лошадь,

И посочувствуют — слегка —
Погибшей, ей, издалека.
Придет и мой черед вослед.
Мне дуют в спину, гонят к краю.
В душе предчувствие, как бред,
Что надломлю себе хребет
И тоже голову сломаю.

Мне посочувствуют — слегка —
Погибшему — издалека.

Так многие сидят в веках
На берегах и наблюдают,
Внимательно и зорко, как
Другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.

Они сочувствуют — слегка —
Погибшим. Но издалека.

Но в сумерках морского дна,
В глубинах тайных, кашалотьих,
Родится и взойдет одна
Неимоверная волна...
На берег ринется она
И наблюдающих поглотит!

Я посочувствую — слегка —
Погибшим, им, издалека.

ЗАПОВЕДНИК

Бегают по лесу стаи зверей,
Не за добычей, не на водопой —
Денно и ночью они егерей
Ищут веселой толпой.

Звери, забыв вековечные страхи,
С твердою верой, что все по плечу,
Шкуры рванув на груди, как рубахи,
Падают навзничь — бери — не хочу!

Сколько их в кущах — столько их в чащах,
Ревом ревущих, рыком рычащих.
Сколько бегущих — столько лежащих
В дебрях и кущах, в рощах и чащах.

Рыбы пошли косяком против волн —
Черпай руками, иди по ним вброд!
Сколько желающих прямо на стол,
Сразу на блюдо — и в рот.

Рыба не мясо — она хладнокровней:
В сеть норовит, на крючок, в невода.
Рыбы погреться хотят на жаровне,—
Море по жабры, вода — не вода.

Сколько их в кущах — столько их в чашах,
Скопом плывущих, кишмя кишаших,
Друг друга жрущих, тучных и тощих
В дебрях и кущах, в чащах и рощах.

Птица на дробь устремляет полет,
Птица на выдумки стала хитра:

Чтобы им яблоки всунуть в живот —
Гуси не ели с утра.

Сильная птица сама на охоте
Хилым собратьям кричит: — Сторонись!
Жизнь прекращает в зените, на взлете,
Даже без выстрела падая вниз.

Сколько их в кущах — столько их в чащах,
Выстрела ждущих, в силки летящих.
Сколько плывущих — столько парящих
В дебрях и кущах, в рощах и чащах.

Шкуры не хочет пушнина носить,
Так и стремится в капкан и в загон.
Чтобы людей приодеть, утеплить,
Рвется из кожи вон.

В ваши силки — призадумайтесь, люди! —
Прут добровольно в отменных мехах
Тысячи сот в иностранной валюте,
Тысячи тысяч в наших деньгах!

Сколько их в кущах — столько их в чащах,
Дань отдающих, даром дарящих,—
Шкур настоящих, нежных и прочных,
В дебрях и чащах, в кущах и в рощах.
В сумрачных чащах, дебрях и кущах
Сколько рычащих — столько ревущих,
Сколько пасущихся — столько кишачих,
Мечущих, рвущихся, живородящих,
Серых, обычных, в перьях нарядных,
Сколько их хищных и травоядных,
Шерстью линяющих, шкуру меняющих,
Блеющих, лающих млекопитающих.
Сколько летящих, бегущих, ползущих —

Столько непьющих в рощах и куцах,
И некурящих в дебрях и чащах!
И пресмыкающихся, и парящих,
И подчиненных, и руководящих,
Вещих и вящих, врущих и рвущих
В дебрях и чащах, в рощах и куцах!

Шкуры не порчены, рыба — живьем,
Мясо без дробы — зубов не сломать.
Ловко, продуманно, просто, с умом,
Мирно — зачем же стрелять?

Каждому егерю — белый передник!
В руки — таблички: «Не бей!», «Не губи!»
Все это вместе зовут — заповедник,
Заповедь только одна — «Не убий!»

Но... сколько в рощах, дебрях и куцах
И сторожащих, и стерегущих,
И загоняющих — в меру азартных,
Плохо стреляющих и предынфарктных,
Травящих, лающих, конных и пеших,
И отдыхающих — с внешностью леших,
Сколько их — знающих и искушенных,
Не попадающих в цель, — разозленных,
Сколько бегущих, ползущих, орущих
В дебрях и чащах, в рощах и куцах!
Сколько дрожащих, портящих шкуры,
Сколько ловящих на самодуры!
Сколько их язвенных — столько всеядных,
Сетью повязанных и кровожадных,
Полных и тучных, тощих, ледащих
В рощах и куцах, в дебрях и чащах!

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне:
— Лови блесну!
Мир подводный и надводный
свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе
для нее.
Сам, как пес бы, так и рос
в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес один,
И в дому моем шаром кати —
Ведь поможешь ты мне,
Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе
для нее.
Сам, как пес бы, так и рос
в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой,
Хоть казни меня, расстреливай,
Посмотри, как я любуюсь тобой —
Как Мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе
для нее.
Сам, как пес бы, так и рос
в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю —
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

Ответа нет. Но там стоит, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы,—
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

Я бодрствую, но вещей сон мне снится.
Пилюли пью, надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну —
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спица.
За то, что мне нейдет и не спится,
За то, что в передачах заграница
Передает мою блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
— Мы сами, без согласия...

Ну и ну!

За что еще? Быть может, за жену —
Что, мол, не мог на нашей подданной жениться,
Что, мол, упрямо лезу в капстрану
И очень не хочу идти ко дну,
Что песню написал и не одну,
Про то, как мы когда-то били фрица,
Про рядового, что на дзот валится,
А сам — ни сном ни духом про войну?!
Кричат, что я у них украл луну
И что-нибудь еще украсть не премину.
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне... Ну, как же мне не спиться?!
Нет! Не сопьюсь! Я руку протяну
И завещание крестом перечеркну,
И сам я не забуду осениться,
И песню напишу, и не одну,
И в песне я кого-то прокляну,
Но в пояс не забуду поклониться
Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться!
Пусть чаша горькая — я их не обману.

БЕСПОКОЙСТВО

А у дельфина врезано брюхо винтом,
Выстрела в спину не ожидает никто.
На батарее нету снарядов уже,
Надо быстрее на вираже.

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Даже в дозоре можешь не встретить врага.
Это не горе — если болит нога.
Петли дверные многим скрипят, многим поют.
Кто вы такие — вас здесь не ждут!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Многие лета всем, что поет во сне,
Все части света могут лежать на дне.
Все континенты могут гореть в огне,
Только все это не по мне.

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

ДОМ

Что за дом притих, погружен во мрак,
На семи лихих продувных ветрах,
Всеми окнами обратясь в овраг,
А воротами — на проезжий тракт?

Хоть устать я устал, а лошадок распряг.
— Эй! Живой кто-нибудь, — выходи — помоги!
Никого — только тень промелькнула в сенях,
Да стервятник спустился и сузил круги.

В дом заходишь, как... все равно в кабак,
А народишко — каждый третий — враг.
Своротят скулу — гость непрошенный.
Образа в углу — и те перекошены.

И затеялся смутный чудной разговор.
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
А припадочный малый — придурок и вор —
Мне тайком из-под скатерти нож показал.

Кто ответит мне, что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился.
Али жить у вас разучились?

Двери настежь у вас, а душа взаперти!
Кто хозяином здесь — напоил бы вином?!
А в ответ мне: — Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл — мы всегда так живем!

Траву кушаем, век на щавеле.
Скисли душами, опрыщавели,
Да еще вином много тешились,
Разоряли дом — дрались, вешались...

— Я коней заморил, от волков ускакал,
Укажите мне край, где светло от лампад!
Укажите мне место, какое искал,—
Где поют, а не стонут, где пол не покат!

— О таких домах не слышали мы.
Долго жить впотьмах привыкали мы.
Испокону мы в зле да шепоте,
Под иконами в черной копоти...

И из смрада, где косо висят образа,
Я, башку очертя, гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли, да глядели глаза,
И где люди живут и как люди живут...

Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня — не докинула.
Может, спел про вас неумело я,
Очи черные, скатерть белая!

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — опять, как вчера,—
Обложили меня. Обложили!
Гонят весело на номерал

Из-за елей хлопочут двустволки —
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали — «Нельзя за флажки!»

И вот — охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же, вожак, дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся — и поднял ружье...

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел!
За флажки — жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили!
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

ПРОШЛА ПОРА ВСТУПЛЕНИЙ И ПРЕЛЮДИЙ

Прошла пора вступлений и прелюдий,
Все хорошо, не вру, без дураков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

Быть может, запись слышал из окон,
А может быть, с детьми уши не сваришь,
Как знать, но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

И предаваясь утрешней беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов —
Прескверный дубль достали на работе,—
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.

И все прослушав до последней ноты
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора «Охоты»
Ко мне пришлите завтра в кабинет».

Я не хлебнул для храбрости винца
И, подавляя частую икоту,
С порога от начала до конца
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице,
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж про меня,
Про нас про всех, какие, к черту, волки?»

Ну все, теперь, конечно, что-то будет,
Уже три года в день по пять звонков —
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

На слово «длинношеее» в конце пришлось три «е».
Укоротить поэта! — вывод ясен —
И нож в него — но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен.

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр!
Томитесь, как наложницы в гареме.
Срок жизни увеличился, и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!

Да, правда, шея длинная — приманка для петли,
А грудь — мишень для стрел. Но не спешите —
Ушедшие не датами бессмертье обрели,
Так что живых не очень торопите.

Марине Влади

И снизу лед, и сверху — маюсь между.
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там — за дело, в ожиданье виз.

Лед надо мною,— надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека — сорок с лишним.
Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним.

СУДЬБА ПОЭТА *А. Вознесенский* ————— 5

1

ПЕСНЯ ПЕВЦА У МИКРОФОНА —————	10
МОЙ ГАМЛЕТ —————	12
«КТО-ТО ВЫСМОТРЕЛ ПЛОД, ЧТО НЕСПЕЛ...» ———	15
МАСКИ —————	17
«Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ, ИЗ ТАКОГО ХОРОШЕГО ДЕЛА...» —————	19
БАЛЛАДА О БОРЬБЕ —————	21
БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ —————	23
«ПРОДЕЛАВ БРЕШЬ В ЗАТИШЬЕ...» ———	25
Я НЕ УСПЕЛ —————	27
МОЯ ЦЫГАНСКАЯ —————	29
«ДУРАЦКИЙ СОН, КАК КИСТЕНЕМ...» ———	31
ДВЕ СУДЬБЫ —————	33
РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ —————	37
«БЕДА! ТЕПЕРЬ МНЕ КАЖЕТСЯ...» ———	40
СЛУЧАЙ — — —————	42
«МНЕ СУДЬБА — ДО ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ, ДО КРЕСТА...» —————	44
Я НЕ ЛЮБЛЮ — — —————	46
«ЕСЛИ ГДЕ-ТО В ГЛУХОЙ, НЕСПОКОЙНОЙ НОЧИ...» — — —————	47
КОРАБЛИ — — —————	48
БАНЬКА ПО-БЕЛОМУ —————	49
«Я СПОКОЕН — ОН ВСЕ МНЕ ПОВЕДАЛ...» ———	51
ЧУЖАЯ КОЛЕЯ — — —————	52
КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ — — —————	55

2

ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА —————	58
О МОЕМ СТАРШИНЕ —————	61
ВЫСОТА — — —————	62
«МЕРЦАЛ ЗАКАТ, КАК БЛЕСК КЛИНКА...» ———	63
РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА —————	65
РАЗВЕДКА БОЕМ — — —————	66
ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ —————	68
ЗВЕЗДЫ — — —————	69
ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ —————	70

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ —————	73
ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ —————	74
АИСТЫ — —————	75
ПЕСНЯ ЛЕТЧИКА — —————	77
ПЕСНЯ САМОЛЕТА-ИСТРЕБИТЕЛЯ —————	79
«Я ПОЛМИРА ПОЧТИ ЧЕРЕЗ ЗЛЫЕ БОИ...» —————	81
ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ — —————	83
СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ —————	84
МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ — —————	85
БЕЛЫЙ ВАЛЬС — —————	87
МЫ ВАС ЖДЕМ —————	89
ПЕСНЯ О КОНЦЕ ВОЙНЫ —————	91
БРАТСКИЕ МОГИЛЫ — —————	93
«СКОЛЬКО ПАВШИХ БОЙЦОВ ПОЛЕГЛО ВДОЛЬ ДОРОГ...» —————	94

3

К ВЕРШИНЕ — —————	96
ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ — —————	97
ПЕСНЯ О ДРУГЕ —————	98
ВЕРШИНА — —————	99
ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ —————	100
ТУМАН — —————	101
«ЗАКАЗАНА ПОГОДА НАМ УДАЧЕЮ САМОЙ...» —————	102
«МЫ ГОВОРИМ НЕ «ШТОРМЫ», А «ШТОРМА»...» —————	104
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР —————	106
СТАНОВИСЬ МОРЯКОМ —————	108
ЕНГИБАРОВУ — КЛОУНУ ОТ ЗРИТЕЛЕЙ —————	109
ДАЛЬНИЙ РЕЙС —————	112
ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ —————	114
ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО —————	116
«ЛОШАДЕЙ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ В МАШИНЫ ЗАЖАТЫ...» —————	118
ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК —————	120
ХОЛОДА — —————	123
«КТО СТАРШЕ НАС НА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА, ТОТ...» — — —	124
ПОЭМА О КОСМОНАВТЕ —————	125

4

ПЕСНЯ О ПЕТРОВСКОЙ РУСИ — — — — —	130
«КАК ПО ВОЛГЕ-МАТУШКЕ...» — — — — —	132
ИГРА В КАРТЫ В ДВЕНАДЦАТОМ ГОДУ — — — — —	134
«ОПЛАВЛЯЮТСЯ СВЕЧИ...» — — — — —	138
АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ — — — — —	139
СЕМЬЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ — — — — —	141
СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА В ДРЕВНЕМ РИМЕ — — — — —	143
ПРО ЛЮБОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА — — — — —	145
ТАУ КИТА — — — — —	147
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ — — — — —	149
БУДУТ И СТИХИ, И МАТЕМАТИКА — — — — —	151
ПОЖАРЫ — — — — —	153
«О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ — ЕСТЬ ТЫСЯЧА МНЕНИЙ...» — — — — —	155
СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА ИЛИ ПЯТНА НА СОЛНЦЕ — — — — —	157
ПЕСНЯ ПРО МАНГУСТОВ — — — — —	160
ПЕСНЯ О КОРОТКОМ СЧАСТЬЕ — — — — —	162
ПОГОНЯ — — — — —	164
КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ — — — — —	167

5

ПЕСНЯ КЭРРОЛЛА — — — — —	170
ПЕСНЯ АЛИСЫ — — — — —	172
ПАДЕНИЕ АЛИСЫ — — — — —	173
В МОРЕ СЛЕЗ — — — — —	174
ПЕСНЯ МЬШИ — — — — —	175
ПЕСНЯ ЛЯГУШОНКА ДЖИММИ И ЯЩЕРКИ БИЛЛИ — — — — —	176
ПЕСНЯ ПОПУГАЯ — — — — —	177
КУПЛЕТЫ НЕЧИСТИ — — — — —	179
СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ — — — — —	180
ПЕСНЯ МАРЬИ — — — — —	185
ИВАН ДА МАРЬЯ — — — — —	186
КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ — — — — —	187
ЧАСТУШКИ — — — — —	188
СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА — — — — —	189
СВАДЕБНАЯ — — — — —	191
БЕДА — — — — —	193
ПЕСНЯ ПРО НЕЧИСТЬ — — — — —	194

Содержание	278
ПРО КОНЬКОБЕЖЦА —————	197
ВРАТАРЬ — —————	199
ЧЕСТЬ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ —————	202
Подготовка —————	202
Игра —————	204
ВЕС ВЗЯТ —————	207
БЕГ ИНОХОДЦА —————	209

6

«И ВКУСЫ И ЗАПРОСЫ МОИ СТРАННЫ...» —————	212
ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА —————	214
МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ —————	216
«НЕ БЕРИСЬ, КОЛЬ НЕ УМЕЕШЬ...» —————	218
ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА —————	219
ПЕСНЯ АВТОМОБИЛИСТА —————	220
«НЕ ВПАДАЙ НИ В ТОСКУ, НИ В АЗАРТ ТЫ...» —————	222
СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ —————	223
«Я ВСЕ ЧАЩЕ ДУМАЮ О СУДЬЯХ...» —————	224
«Я ВАМ РАССКАЖУ ПРО ТО, ЧТО БУДЕТ...» —————	225
ТОВАРИЩИ УЧЕННЫЕ —————	226
ПРО ГЛУПЦОВ —————	228
МОСКВА — ОДЕССА —————	230
«Я ВСЕ ВОПРОСЫ ОСВЕЩУ СПОЛНА...» —————	232
«НЕТ МЕНЯ, Я ПОКИНУЛ РАСЕЮ...» —————	233

7

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ —————	236
БАЛЛАДА О ЛЮБВИ —————	241
БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ —————	243
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК —————	244
«ЗДЕСЬ ЛАПЫ У ЕЛЕЙ ДРОЖАТ НА ВЕСУ...» —————	245
«ДЕНЬ-ДЕНЬСКОЙ Я С ТОБОЙ, ЗА ТОБОЙ...» —————	246
«ЗАПОМНЮ, ОСТАВЛЮ В ДУШЕ ЭТОТ ВЕЧЕР...» —————	247
РОМАНС — —————	248
ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ —————	249
«МНЕ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ЗАЖИГАЕТ СВЕЧИ...» —————	250
«ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СЕЙЧАС...» —————	251
«МОСТЫ СГОРЕЛИ, УГЛУБИЛИСЬ БРОДЫ...» —————	253

«Я СКАЧУ ПОЗАДИ НА ПОЛСЛОВА...» — — — — —	254
«ШТОРМИТ ВЕСЬ ВЕЧЕР, А ПОКА...» — — — — —	256
ЗАПОВЕДНИК — — — — —	258
«ЕСЛИ Я БОГАТ, КАК ЦАРЬ МОРСКОЙ...» — — — — —	261
«КОГДА Я ОТПОЮ И ОТЫГРАЮ...» — — — — —	263
«Я БОДРСТВУЮ, НО ВЕЩИЙ СОН МНЕ СНИТСЯ...» — — — — —	264
БЕСПОКОЙСТВО — — — — —	265
ДОМ — — — — —	266
ОХОТА НА ВОЛКОВ — — — — —	268
ПРОШЛА ПОРА ВСТУПЛЕНИЙ И ПРЕЛЮДИЙ — — — — —	270
О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ — — — — —	272
«И СНИЗУ ЛЕД, И СВЕРХУ — МАЮСЬ МЕЖДУ...» — — — — —	274

Высоцкий В. С.

В 93 Клич: Стихи. — Красноярск: Кн. изд-во, 1988. — 279 с.

ISBN 5—7479—0069—2

В сборник произведений Владимира Высоцкого вошли стихи и песни о войне и о любви, о спорте, песни из кинофильмов и другие.

В 4702010200—043
М 147 [03]—88 33—88

ББК84Р7
Р 2

**ВЫСОЦКИЙ
ВЛАДИМИР
СЕМЕНОВИЧ**

КЛИЧ

СТИХИ

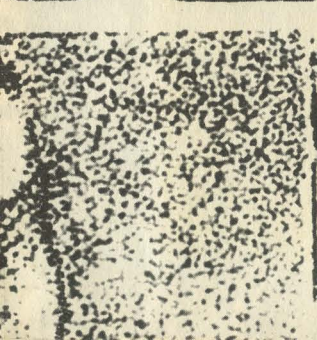
Редактор В. В. Устрялов
Художественный редактор Г. В. Соколова
Технический редактор А. Г. Малышева
Корректор Л. С. Мемнонова

ИБ № 1718

Сдано в набор 21.01.88. Подписано к печати 04.04.88.
АЛ06102. Формат 84×100¹/₃₂. Бум. тип. № 1 и № 2.
Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая,
Усл. печ. л. 13,65. Усл. кр.-отт. 13,99. Уч.-изд. л. 10,82.
Тираж 125 00 экз. (1-й з-д 1—75 000).
Заказ 17. Цена 4 р.

Красноярское книжное издательство, 660049.
г. Красноярск, пр. Мира, 98.
Типография «Красноярский рабочий», 660049,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.

При подготовке книги были использованы сборники стихов В. Высоцкого «Нерв» (1982) и «Кони привередливые» (1987), публикации последних лет в периодической печати; интервью с поэтом «Хочу и буду» перепечатано из газеты «Советская Россия» (1987, 14 июня).

Любимые черты в характере человека:

Одержимость, отдача (но только на добрые дела).

Отвратительные качества человека:

Глупость, серость, гнусь.

Чего тебе недостает?

Времени.

Каким человеком считаешь себя?

Разным.

За что ты любишь жизнь?

Какую!

Любимый цвет, цветок, запах, звук:

Белый, гвоздика, запах выгоревших волос, звук колокола.

Чего хочешь добиться в жизни?

Чтобы помнили, чтобы везде пускали.

Что бы ты подарил любимому человеку, если бы был всемогущ?

Еще одну жизнь.

Какое событие стало бы для тебя самым радостным?

Премьера «Гамлета».

А какое трагедией?

Потеря голоса.

Чему последний раз радовался?

Хорошему настроению.

Что последний раз огорчило?

Все.

Любимый афоризм, изречение:

«Разберемся». В. Высоцкий.

Что бы сделал в первую очередь, если бы стал обладателем миллиона рублей?

Устроил бы банкет.

Твое увлечение:

Стихи, зажигалки.

Любимое место в любимом городе:

Самотека, Москва.

Любимая футбольная команда:

Нет.

Твоя мечта:

О лучшей жизни.

Ты счастлив?

Иногда — да.

Почему?

Просто так.

Хочешь ли ты быть великим и почему?

Хочу и буду. Почему! Ну уж это, знаетел..

28 июня 1970 года.